

Мария Орунья Прюиста- Ницце

роман

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

18+

СОЧЕТАНИЕ ТАИНСТВЕННОСТИ НУАРА,
ЗАПУТАННОСТИ ДЕТЕКТИВА
И ПСИХОЛОГИЗМА ХОРОШЕЙ ДРАМЫ.

Валентина Редондо и Оливер Гордон

Мария Орунъя
Пристанище

«Фантом Пресс»

2017

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)

Орунья М.

Пристанище / М. Орунья — «Фантом Пресс»,
2017 — (Валентина Редондо и Оливер Гордон)

ISBN 978-5-86471-950-3

После успеха “Скрытой бухты” Мария Орунья продолжила детективный цикл про инспектора Валентину Редондо и англичанина Оливера Гордона, перебравшегося жить в Кантабрию после личной драмы. Действие нового романа снова развивается в окрестностях городка Суансес и виллы “Марина”. Жители еще не оправились от серии убийств, случившихся несколько месяцев назад, как одним ранним утром в древних руинах найдено тело молодой женщины, лежащей в позе Спящей красавицы и облаченной в изысканный наряд средневековой дамы. В ладони “принцесса” сжимает старинную монету. Результаты вскрытия ошеломляют: не могла же покойница и в самом деле прибыть прямиком из Средневековья? Но не успевает пресса подхватить и раздуть сенсацию, выдвинув глупую идею об убийце, путешествующем во времени, как найдено еще одно тело. И Валентина Редондо приступает к расследованию. Навстречу ее команде движется вроде бы совсем другим путем Оливер Гордон, пытающийся отыскать своего брата, от которого нет вестей уже несколько лет. Два расследования встретятся в одной точке, и правда окажется странной и шокирующей. Новый кантабрийский нуар в окружении поразительных по красоте пейзажей севера Испании.

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)

ISBN 978-5-86471-950-3

© Орунъя М., 2017
© Фантом Пресс, 2017

Содержание

Путешественник из Пещеры ласточек	7
1	8
2	13
Нёрдлинген, Бавария	22
3	26
Нёрдлинген, Бавария	37
4	40
Путешественник из Пещеры ласточек	44
Нёрдлинген, Бавария	49
5	52
Путешественник из Пещеры ласточек	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Мария Орунья

Пристанище. Роман

*Алану, который, сам того не зная, указал мне новые пути. И всем
Джонатанам Ливингстонам в мире.*

MARÍA ORUÑA
UN LUGAR A DONDE IR

© 2017, Editorial Planeta, S. A. U.

Книга издана при содействии *Editorial Planeta S. A. U.*

© Марина Кетлерова, перевод, 2023

© “Фантом Пресс”, издание, 2024

Путешественник из Пещеры ласточек

Размышление первое

Наш мир – лишь оболочка. Хрупкая скорлупа, покрывающая огромную каменную утробу – разгадку бытия. Влажные и горячие недра Земли подобны неизведанной планете, под поверхностью которой полые каменные вены дорог ведут к истоку, к истине.

Мне всегда казалось, что смотреть вверх, на видимое, – слишком банально. Да и фантазии чересчур зауражны: звезды и планеты, инопланетяне, метеоры и черные дыры... Только слепец может не понимать, что правда о нашем прошлом и настоящем таится под земной корой, внутри.

Моя принцесса рискнула это осознать. Глядя на нее, на долю секунды я замираю, увлекшись ее красотой, длинными и волнистыми светлыми волосами, мягкими, словно морские дюны. Само ее присутствие пьянит и наполняет меня благоговением, хотя в конечном счете именно ее ум и любопытство – а также мое безрассудство – послужили причиной ее смерти. Закрыв ей глаза, я ласкаю взглядом это нежное тело. Мне так жаль, принцесса. Этого нельзя было допустить. Но я не могу остановиться прямо сейчас, пока еще не могу; пусть это не меньшая пытка, пусть мою душу изъест тоска, довести до конца начатое придется. Так я воздам тебе последнюю почесть, любовь моя. Я не бросаю тебя, я торжественно склоняюсь перед тобой в лучах этой совершенной зари, и три круга расходятся по воде, когда я бросаю камень в глинистую лужу. Утром тебя найдут, и ты покажешься всем волшебным сном, изящным белым тюльпаном, словно созданным для места, куда ты так мечтала попасть. До встречи, принцесса.

1

– Но почему, Джон, почему? – спрашивала мать. – Почему так трудно быть таким же, как все? – Просто мне интересно, что я могу в воздухе, а чего не могу. Я просто хочу знать.¹

Ричард Бах. “Чайка по имени Джонатан Ливингстон”

Оливер Гордон прекрасно сознавал, что жизнь его изменилась кардинально и бесповоротно, и новая версия себя ему очень нравилась. Он испытывал гордость: многие жаждут искры, мечтают пережить нечто яркое и необычное, но большинство предпочитает завидовать другим и любоваться огнем издали – лишь потому, что так благоразумнее. Он же решился пойти на риск и в результате сделался сильнее.

Февраль 2014 года. Утро понедельника, без четверти восемь. Оливер варил кофе, насвистывая в такт звучащей из колонок музыке. “Сердце-костер”², композиция Джеймса Бланта, словно вторила его мыслям: наконец-то настал *его* момент. Он чувствовал себя на своем месте и в свое время, полностью отвечающим за собственную жизнь. Ощущая эту новую, неизвестную ему доселе свободу, он осознавал, что еще совсем недавно был свободен лишь отчасти, потому что позволял течению нести его куда придется.

Уже больше полугода Оливер жил в Суансесе – приморском городке в Кантабрии, затерянном среди утесов, лугов и пляжей. Родился он в Лондоне, но в равной мере принадлежал и Англии, и Шотландии. В свои тридцать шесть Оливер рискнул отказаться от привычной жизни и пуститься на поиски чего-то иного. Он оставил Британию и перебрался в Испанию, на виллу “Марина” – унаследованный от матери особняк вблизи Ракушечного пляжа.

Он поселился в уединенном коттедже из камня и дерева, изначально предназначавшемся для прислуги. Небольшой дом в два этажа, хоть снаружи этого и не было заметно из-за перепада рельефа, был выстроен в странном стиле – соединение традиционного кантабрийского с канадским.

– Шеф, у тебя сейчас бекон воспламенится.

– Что-что? О-о-о! – Оливер убрал сковородку с плиты и обернулся к Валентине, которая с улыбкой смотрела на него.

Она уже успела принять душ и одеться, от нее пахло свежестью.

– Ладно ты взялся меня пичкать британскими завтраками и я уже в штаны не влезаю, но хотя бы кухню не спали, – сказала она.

Обняв Оливера сзади, Валентина приподнялась на цыпочках и чмокнула его в макушку.

– Постараюсь. – Оливер развернулся и поцеловал ее в губы. – Но предупреждаю, сеньорита, если продолжите отвлекать шефа от работы, наказание последует суровое.

– А я предупреждаю, что перед вами лейтенант гражданской гвардии, к тому же вооруженный.

– Вот и славно, миледи, значит, скучно нам точно не будет. Кстати, ты только не психуй...

– “Не психуй”? Ого, кто-то явно адаптируется!

Прежде Оливер говорил исключительно на безупречно литературном испанском.

– Ага, накопал в словаре синонимов к слову “взбеситься”, планирую заглядывать туда каждый раз перед выступлениями Сабаделя.

– Да ты придираешься. Он вообще-то здорово сыграл Нерона в прошлый раз.

¹ Перевод А. В. Сидерского.

² Песня с третьего альбома Джеймса Бланта (2013). – *Здесь и далее примеч. перев. и ред.*

Речь шла о младшем лейтенанте из следственной группы Валентины, невысоком плотном человеке, склонном к крепкому словцу и все свободное время посвящавшем театру. Валентина и Сабадель пребывали в контрах – Сабаделю явно не нравилось, что в боссах у него женщина, да еще и моложе него.

– Так, выкладывай. – Валентина подозрительно посмотрела на Оливера. – С чего это я должна психануть?

Тот кивнул на кухонный стол, заваленный книгами и компакт-дисками. Комната была обставлена в духе колониального минимализма, так что небольшой беспорядок даже придавал ей некоторое очарование. Валентина тяжело вздохнула, глядя на хаос на столе. Оливер тем временем вернулся к плите и сказал:

– Передай своему приятелю ОКРу, что для наших тарелок и чашек место еще найдется.

– Моему ОКРу, – пробормотала Валентина и громче добавила: – Да из всех обсессивно-компульсивных расстройств, умник, мое – одно из самых безобидных!

– Как скажешь...

– Я просто люблю чистоту и порядок. – И она принялась быстро составлять книги в идеально ровные стопки.

Оливер покосился на нее и закатил глаза, хотя к этой ее привычке уже успел привыкнуть. Он снова занялся завтраком, то и дело поглядывая в окно на деревянную террасу, обращенную к морю. Из дома было видно, как волны разбиваются об острые скалы Кроличьего острова.

Какое-то время оба молчали, потом Оливер снова повернулся к Валентине, которая уже заканчивала наводить на столе порядок. Он залюбовался ее сдержанной красотой, в который уже раз восхитился пронизательным и каким-то кошачьим взглядом этих удивительных разноцветных глаз: один манил изумрудной прозеленью, другой, матово-черный, был точно уголь, внутри которого мерцают искры. Ее одержимость порядком и контролем началась в тот самый день, когда один из ее зеленых глаз почернел и сделался непроницаемым. С того дня – вернее, с той ночи – минуло много лет, но этот шрам так и остался во взгляде лейтенанта.

Оливер наслаждался новой жизнью. Вилла “Марина” превзошла все его ожидания. Девять спален, и особняк удалось переоборудовать в небольшой очаровательный отель. Благодаря связям с Университетским колледжем Лондона, где Оливер раньше преподавал испанскую филологию, он надеялся привлечь в отель иностранных студентов, желающих отточить свой испанский. Но вот чего он никак не ожидал, так это того, что во время ремонтных работ строители обнаружат в доме детский скелет, а именно это и произошло полгода назад.

Тогда-то Оливер и познакомился с Валентиной, лейтенантом гражданской гвардии, и узнал удивительные подробности из истории собственной семьи. Как ни странно, в какой-то степени это и помогло ему освоиться на новом месте. Когда же расследование закончилось, пришли рекомендации из британского университета, и Оливер начал сотрудничать с отделом международных отношений Кантабрийского университета в Сантандере и теперь дважды в неделю преподавал магистрантам на филологическом факультете.

– К столу, завтрак готов. – Оливер снял кофейник с плиты.

Валентина посмотрела в окно. Рассвело уже какое-то время назад, но было так пасмурно, будто солнце еще и не вставало, да и если судить по запотевшим оконным стеклам, день обещал быть холодным. Февраль выдался довольно мягким, нескончаемые январские дожди остались позади, но влажный морской воздух, туманом висевший над берегом до самого полудня, казался ледяным.

Джеймса Бланта сменили аккорды акустической версии трека “Ты слышишь дождь?”³ Джорджа Эзры. Музыканту всего двадцать лет, но голос у него был мощный, по-взрослому глубокий. Он пел о ком-то, кто возвращается домой, исполненный жадой мести – или спра-

³ Дебютный сингл Джорджа Эзры в 2013 году возглавил британские чарты.

ведливости. И о том, что порой трудно прогнать внутренних демонов, ибо они всегда возвращаются на единственный известный им путь – путь домой.

Валентина успела лишь сделать глоток кофе, и тут ее телефон завибрировал.

– Карусо? – удивилась она, увидев имя на экране.

Капитан Маркос Карусо не стал бы звонить в такую рань без серьезной причины.

– Редондо, извини, что так рано. Не разбудил?

– Нет, капитан, я уже собиралась ехать в отделение.

– Отлично, у меня как раз для тебя новое дело. Крайне конфиденциальное, так что осторожность в первую очередь.

– Капитан, при мне сроду никаких утечек не бывало, я...

– Мать твою, Редондо, да я не говорю, что вы там направо и налево выдаете информацию журналистам, просто еще и года не прошло после той истории на вилле “Марина”, и я не хочу, чтобы кто-то думал, будто у нас тут убийства – самое обычное дело. Иначе местные власти и комитет по туризму меня со свету сживут. Так что расследование нужно провести быстро и по-тихому.

Валентина вздохнула. Она прекрасно знала, что участие самого капитана в расследовании ограничится звонками с требованиями поторопиться да красочным отчетом, который понравится как политикам, так и журналистам. Маркос Карусо, смуглый темноволосый красавец с итальянскими корнями, был в прекрасной форме в свои пятьдесят. Как начальник он вполне устраивал – давал ей свободу действий, доверял ее решениям. Однако Карусо не забывал и о вышестоящем начальстве, так что гибкость его не была безграничной, к тому же у него имелась слабость – он любил быть в центре внимания.

– Капитан, я...

– Да понял я, Редондо, не оправдывайся. Я и так в курсе, что ты образец эффективности, но это дело довольно необычное, есть все шансы попасть на первые полосы не только местных газет. Не проявишь должную осмотрительность – угодим еще и в иностранные. От звонков отбоя не будет... в общем, сама понимаешь.

– Все понятно, но что случилось?

– Что случилось, лейтенант? А случилось то, что не видать нам выходных на Пасху, если не найдем, кто прикончил девушку в районе Гандары, это там, где... Так, дай глянуть... В Инохедо, возле Суансеса.

– В Инохедо? Убийство? И убита женщина?

– Ну, скажем, не совсем женщина... хотя, может, и так. Дело в том, что она одета как принцесса, а нашли ее в руинах средневекового замка. Короче, извращенцы. Нам тут звонил капрал Маса из отделения в Суансесе, так он вообще решил, что они обнаружили королеву Изабеллу. Просто зашибись. Мы направили туда гражданский патруль, так и они говорят, что лежит прямо Спящая красавица. Не знаю, что там они на завтрак съели, Редондо, но у тебя то ребята толковее.⁴

Принцесса? Средневековые руины в Инохедо? Капрал Маса? В прошлом году им довелось поработать вместе, и этот парень произвел на нее впечатление вполне профессионального человека. Так с какой стати ему столь странно подшучивать над управлением Сантандера? Да еще патрульные подтверждают.

– Хорошо, капитан, немедленно этим займусь. Прямо сейчас позвоню Ривейро и остальным.

– Да, конечно. Рассчитываю на тебя. И держи меня в курсе. Только посматривай на дисплей, ладно? Не забывай про дисплей, лейтенант. Все понятно?

⁴ Изабелла I Кастильская, или Изабелла Католичка, – королева, при которой произошло объединение Испании. Спонсировала плавание Колумба в Новый свет.

– Все понятно, капитан, – вздохнула Валентина.

“Дисплеем” Маркос Карусо называл мобильный телефон.

Валентина попрощалась с начальством, но телефон тут же зазвонил снова. На “дисплее” высветился номер Хакобо Ривейро, ее заместителя. Валентина ценила Ривейро за опыт и выдержку и считала самым ценным сотрудником не только в своей группе, но и во всем отделе.

– Лейтенант, добрый день.

– Привет, Ривейро, как раз собиралась тебе звонить. Только что переговорила с Карусо.

– Значит, ты уже в курсе.

– Ты о теле в Инохедо? Да. Тебе, значит, тоже сообщили. Кто?

– Капрал Маса. Позвонил пару минут назад, в полном шоке от увиденного.

– Расскажи-ка подробнее, а то Карусо не стал вдаваться в детали, он больше озабочен, как ему с журналистами совладать.

– Как обычно, в своем стиле. Короче, докладываю: в Инохедо, возле Масеры-де-Кастийо, обнаружили труп женщины.

– Возле Масеры-де-Кастийо? Это гора, правильно? – припомнила Валентина. Необычное плато фигурировало и в предыдущем деле.

– Да, та самая. А место – Мота-де-Треспаласиос. Знаешь такое?

– Мота-де-Треспаласиос? Нет, впервые слышу.

– Так я и думал. Если честно, я тоже. Так вот, я выезжаю туда через пять минут. На шоссе нас будет ждать кто-нибудь из штаба Суансеса.

Валентина кивнула:

– Хорошо, но... что, по мнению Масы, там случилось? Убийство с ограблением, изнасилование? На теле есть следы борьбы? Что конкретно он тебе сказал?

– Ну... – Сержант долго мялся, явно подбирая слова, Валентина терпеливо ждала. Наконец Ривейро выговорил: – Со слов Масы, там что-то вроде тела средневековой принцессы.

– Что? Так... ладно, Карусо рассказал мне об этом, но... ты серьезно – средневековая принцесса? – Валентина насмешливо вздернула бровь.

– Да вроде того. Женщина одета под стать замку, которому много веков. Капрал говорит, похожа на Гвиневу, жену короля Артура.

– Гвинева, жена короля Артура, – чуть ли не чеканя слоги, повторила Валентина. Немного помолчав, она с подозрением уточнила: – Но ты, если я правильно понимаю, имеешь в виду, что это не наряженная женщина и не средневековая мумия, а свежий труп, который прибыл прямиком из седого прошлого?

– Все так.

– И говоришь, ее нашли в руинах чего-то вроде замка, верно?

– В том-то и дело. Мота-де-Треспаласиос – это такая округлая средневековая постройка, совершенно нетипичная для наших краев. От этой моты мало что сохранилось, только выступающее над землей подобие круглого фундамента с ямой. Маса мне попытался объяснить, но, если честно, я не особо понял. Я вообще знать не знал о существовании подобной штуки в окрестностях.

– Я тоже, – призналась Валентина. – Погоди, а как обнаружили тело?

Она посмотрела на Оливера, тот продолжал завтракать, но явно ловил каждое слово.

– Какой-то пожилой мужчина выгуливал рано утром собаку, наткнулся на это сокровище и позвонил в штаб Суансеса. Женщину видно издалека, лежит прямо по центру руин, словно уснула.

– Черт. А это может быть ритуальное убийство?

– Без понятия. Думаю, скоро выясним. Криминалистов уже оповестили, судья и судмедэксперт в пути, территорию оцепили – там вокруг сплошь жилые дома.

Валентина встала. Немного помолчав, она отпила кофе и продолжила:

– Ривейро, плохи наши дела, если капрал не в состоянии отличить средневековую принцессу от ряженого трупа. Но ты все же предупреди ребят, пусть все едут туда, осмотрим место и дождемся результатов экспертизы.

Она имела в виду не только криминалистов, но и свою следственную группу, в которую, кроме сержанта Ривейро, входили младший лейтенант Сантьяго Сабадель, капрал Роберто Камарго и два молодых агента – Марта Торрес и Альберто Субисаррета.

– Сабадель уже в курсе, он едет со мной, – сообщил Ривейро. – Остальным нужно сегодня закрыть дело из Льерганеса.

– Ой, точно, отчеты... – Из-за этой жертвы из Средневековья Валентина забыла о бюрократических ритуалах, связанных с предыдущим, уже раскрытым делом. – Да, пускай заканчивают, но в известность их поставь. После устроим совещание.

– Отлично. Тогда я выдвигаюсь?

– Да, Ривейро, поезжай. Минут через пять я тоже выеду.

– Хорошо. Кстати, а ты тут или в Суансесе? – осторожно спросил капрал, хотя с Валентиной они общались вполне доверительно.

– В Суансесе, так что доберусь быстро.

– Тогда до скорого, лейтенант.

Валентина дала отбой и повернулась к Оливеру. Тот ждал, глядя на нее с улыбкой. Он уже привык краем уха слушать разговоры Валентины с подчиненными и между делом узнавать подробности преступлений, связанных с наркотиками, насилием или проституцией. Детали нового расследования звучали совершенно непохоже на все эти криминальные истории.

– Я тут перемежаю обязанности метрдотеля с унылой рутинной работой учителя английского языка, а твой день начинается с убийства придворной дамы короля Артура. Это несправедливо, – шутливо проворчал он и придвинул поближе к Валентине тарелку с беконом и яичницей-болтуньей.

Валентина рассеянно улыбнулась. “Средневековая принцесса” и вправду вызывала интерес. Но явилась ли она из прошлого или вполне себе женщина из двадцать первого века? В любом случае главным сейчас было то, что “принцесса” найдена мертвой.

2

*Да благословенны будут те, кто умер с добрым сердцем и
покаявшись. Пусть последние лучи уходящего солнца успокоят их боль и
печаль. Аминь.*

Кантабрийская молитва об умерших⁵

Этот отрезок пути тонул в густом тумане, влажном и мерцающем. Валентина медленно, сдерживая нетерпение, вела машину, вглядываясь в пейзаж, едва видимый за туманной завесой. Белая пелена, напоминая свадебную вуаль, будто затянула машину.

Чем ближе к месту назначения, тем сильнее тревожила Валентину странная тишина вокруг. Она напряженно вглядывалась вперед, ей казалось, что в тумане скрывается нечто неведомое, хотя она прекрасно знала эти места. По этому шоссе Валентина ездила ежедневно. Обычно она наслаждалась каждым изгибом дороги, каждым поворотом, открывавшим милые домики, пасторальные луга, синий проблеск моря. Почему же места, прежде казавшиеся идиллическими, сделались вдруг чужими, неудобными?

Прибавив газу, Валентина Редондо увидела в прорехе тумана, на повороте серпантина, машину. Ривейро с Сабаделем. Минут через пять, в сопровождении дожидавшейся на обочине патрульной машины, автомобили въехали в Гандару. Это был небольшой поселок, сплошь состоявший из многоквартирных трехэтажных домов. Припарковавшись, Редондо с помощниками направились к месту, которое охраняли патрульные.

Зрелище впечатляло. От моты, строения некогда круглого, остались лишь руины. В центре сохранилось приподнятое над землей основание, окруженное рвом метра два в глубину, с наружной стороны рва – еще одно кольцо, насыпь с центральным возвышением, и следующий ров, той же глубины, что и первый. Рядом с этой круговой конструкцией, буквально дышавшей древностью, современные дома выглядели почти неуместно.

Средневековые руины, густо заросшие травой, были обнесены невысокой деревянной изгородью, в диаметре все сооружение достигало приблизительно восьмидесяти метров.

В самом центре возвышения лежала женщина, которую действительно можно было принять за принцессу. Поза спокойная – руки сложены на животе, словно спит, и даже издали было видно, что она очень красива: гладкая кожа, античные черты, в которых мягкость и нежность соединялись с решительностью, золото распущенных волос растекалось вокруг головы. И только пухлые губы, бледные, безжизненные, выдавали, что женщина вряд ли просто спит.

Валентина мысленно согласилась, что “принцесса” действительно напоминает средневековую даму: одета во что-то наподобие белой льняной туники, доходящей до пят, на талии одеяние стянуто поясом цвета темного золота, концы пояса словно стекают вдоль бедер.

Вокруг суетились криминалисты в белых комбинезонах, фотографировали тело в свете мощного прожектора, записывали, зарисовывали, обследовали все вокруг. Двое агентов торопливо устанавливали вертикальные щиты, чтобы огородить место преступления и скрыть жертву от любопытных взглядов прохожих, которые вот-вот появятся.

Ключья тумана, разодранного когтями встающего солнца, придавали картине зловещую кинематографичность – казалось, после столкновения пространственно-временных пластов в мир, где обитает принцесса, приземлились астронавты.

Валентина узнала Клару Мухику, та, тоже заметив ее, направилась к ней, стараясь ничего не задеть и не мешать криминалистам. Лейтенант двинулась ей навстречу по специально остав-

⁵ В кантабрийской мифологии последние лучи заходящего солнца называют солнцем мертвых. Согласно местным верованиям, эти лучи посылают мертвые.

ленному узкому проходу между кольцами моты. Клара, маленькая хрупкая женщина лет пятидесяти, с золотисто-пшеничными волосами, была подругой Валентины с тех самых пор, когда та шесть лет назад перебралась в Сантандер из родной Галисии.

– Неплохое начало дня, да? – сказала Клара вместо приветствия.

– Что и говорить – картина странная. Бедная – лежит там, будто Белоснежка... Мы точно в сказке братьев Гримм. Ты успела осмотреть тело? Тебя пропустили? – Валентина кивком головы указала на хлопочущих криминалистов.

– Да, пропустили. Милые ребята. Стоило пригрозить, что буду ждать их в зале для аутопсии, так сразу оставили меня в покое. – И она подмигнула Валентине.

– Личность, как я понимаю, установить не удалось.

– Правильно понимаешь. При ней никаких документов, вот ни одной, даже самой завалящей, бумажки. И ни кошелька, ни сумки. По крайней мере, в радиусе ста метров пока ничего не нашли.

– Так, успокой меня, пока мы тут все не рехнулись. Может, хоть какая-нибудь бирка на одежде? А то кое-кто уверен, что это средневековая принцесса. Или ты и сама так считаешь? – саркастично спросила Валентина.

– Звучит безумно, но бирок нет, лейтенант.

– Уверена?

– Пока ничего. Платье старинное, похоже, ручной работы, кожаная жилетка – к слову, тоже довольно древняя – изнутри аккуратно заштопана. Но я и сама лишь десять минут как приехала, так что толком изучить не успела.

Валентина несколько секунд молча раздумывала над информацией. Она полностью доверяла профессионализму Клары, с которой особенно сблизилась после той жутковатой истории с найденным на вилле “Марина” скелетом младенца. Для них обеих то расследование стало личным и профессиональным вызовом, к тому же в их жизни появился Оливер Гордон. В его лице судмедэксперт обрела нового родственника, а Валентина – любовь. Пути этих женщин едва ли могли пересечься с Оливером при иных обстоятельствах.

* * *

Клара с радостью наблюдала за развитием отношений Валентины и Оливера. После событий вокруг дела на вилле “Марина”, в том числе смерти ее матери, она несколько смягчила свойственный ей резковатый сарказм. И вот теперь, спустя долгие годы практики, ей вдруг стало сложно бесстрастно относиться к случаям, с которыми ее сводила работа.

– Хорошо, и что ты думаешь? Когда наступила смерть? – спросила Валентина.

Клара колебалась. Она не любила делиться неподтвержденными догадками, но понимала, что следователи торопятся получить хоть какие-то сведения, любая информация может оказаться ключевой.

– Смогу сообщить что-то конкретнее, когда внимательно осмотрю тело, но, учитывая температуру тела, которое, несмотря на холод, еще теплое, я бы сказала, что умерла она не больше шести часов назад. Однако окоченение уже наступило. Это очень странно.

– Почему?

– Потому что *rigor mortis*, то есть трупное окоченение, начинается от трех до шести часов после смерти, а это тело уже целиком окоченело. Его состояние не соответствует температуре.

– Не соответствует?

– Нет. С момента смерти температура тела опускается на один градус в час. Если предположить, что у этой женщины при жизни была средняя температура тела, то есть где-то тридцать шесть с половиной на кожных покровах и тридцать семь градусов на слизистой, то к настоя-

щему времени, с учетом окружающего холода, она должна быть мертва не более шести часов, поскольку температура ее тела сейчас тридцать один градус.

– А, поняла. Трупное окоченение должно было лишь начаться, а она уже совсем окоченела, так?

– Именно.

Валентина вздохнула и поймала насмешливый взгляд подруги.

– Спокойно, лейтенант, всему можно найти логичное и научно обоснованное объяснение.

– Ладно, просвети меня. С чем это может быть связано? И... от чего она умерла?

– Для медицинского заключения пока рано, но причиной может быть яд. Расширенные зрачки и слегка пожелтевшая кожа – признаки интоксикации, к тому же следов насильственной смерти не обнаружено, на теле нет ран, покраснений или гематом – правда, ее пока не раздевали. И еще одна деталь наводит меня на мысль о яде и заодно может внести ясность относительно разницы в степени окоченения тела и его температуры. Дело в том, что тела умерших от яда быстрее достигают окоченения, а если тело подверглось гипертермии вследствие интоксикации, то полагаться на температуру не стоит, так как смерть в этом случае наступила бы за несколько часов до предполагаемого времени... Но предоставить тебе более достоверные данные пока не могу, это лишь догадки.

– Гипертермия?

– Да. Когда организм реагирует на токсичное вещество, температура может сильно повыситься, вплоть до сорока двух – сорока трех градусов.

– Ого, ничего себе...

– Еще какое ого. И если такая температура продержится более пяти минут, почти неизбежно наступит смерть. Как только я осмотрю тело в Институте судебной медицины, сразу получишь более конкретную информацию. – Клара подняла руку, останавливая Валентину, порывавшуюся что-то сказать: – Да, да, мы немедленно приступим к работе, никто со вскрытием тянуть не станет, и я передам тебе все данные как можно скорее. Договорились, лейтенант?

Валентина облегченно вздохнула: медицинские разъяснения Клары Мухики развеяли глупые домыслы, ничего тут нет сверхъестественного.

– Хорошо. То есть мы хотя бы понимаем, что это не средневековая мумия, а свежий труп.

– Так и есть, – подтвердила судмедэксперт. – Как-то мне не верится, что на момент смерти ей было пятьсот лет, – съязвила она.

Валентина с улыбкой кивнула, а Клара Мухика, не попрощавшись, развернулась и направилась к телу женщины. Валентина же подошла к своим коллегам из отдела расследований, но Клара вдруг окликнула ее:

– Лейтенант!

– Сеньора Мухика? – официально отозвалась Валентина.

– Я забыла важную деталь.

– Какую?

– Монету.

– Монету?

– Да, у женщины в руке была монета...

Валентина ждала подробностей. Клара, всем видом давая понять, как ей не терпится вернуться к работе, торопливо объяснила:

– Явно древняя монета, на ней изображено что-то вроде льва в короне, выбит год, тысяча пятьсот какой-то там. Монета у криминалистов, расспроси их. Я пока не эксперт в нумизматике.

– А можно еще один вопрос?

– Давай, – устало вздохнула Клара.

– Как думаешь, это мог быть суицид?

Клара такую версию не рассматривала, так что немного помедлила с ответом.

– Не исключено. Может, смерть вообще наступила по естественным причинам, а тело просто оставили здесь. Но оба варианта кажутся мне маловероятными. Если жертва отравила себя сама, посмертные физические изменения неизбежны, особенно в случае с сильными ядами. Рвота, диарея, мышечные спазмы. При естественной смерти такое тоже не редкость. Словом, имей мы дело с естественной смертью или суицидом, тело не выглядело бы таким расслабленным. Похоже, его специально так разместили, чтобы произвести торжественное впечатление. Посмотри, как одна рука лежит на другой, словно молодая женщина отдыхает, как рассыпаны волосы, обрати внимание на положение головы... Кто-то очень тщательно подготовил сцену.

– В этом есть логика, – согласилась Валентина. – То есть получается, что убили ее в другом месте, а тело перенесли сюда. Еще вот что...

– Ты сказала, вопрос один, – прервала Клара.

– Это самый последний. Я видела, что криминалисты прочесывают все доступы сюда, – она кивнула на возвышающуюся Моту-де-Треспаласиос, где агенты орудовали кисточками, словно очерчивали невидимых улилок. – Не знаешь, удалось им что-нибудь обнаружить? Может, следы ног? Если да, то сколько? Один, два человека? Какие-нибудь зацепки?

– Без понятия. Сильнее всего трава примята у центрального прохода, но это ни о чем не говорит. Да и пробраться сюда может кто угодно, так что, вероятно, отпечатков и следов найдется уйма. В общем, из отчетов увидим, криминалистам тут еще работать и работать, территория большая. Если хочешь сама взглянуть на нашу деву, надень защитный комбинезон и ступай по проходу, там уже натоптали.

Валентина одними губами прошептала “спасибо”, получила в ответ мягкую улыбку и подошла к своей группе.

– Сержант, – сказала она Ривейро, – я надену комбинезон, хочу подойти к телу, ты со мной?

– Да, лейтенант.

Сабадель сделал вид, будто не услышал предложения Валентины, но про себя порадовался, что она не заставляет его приближаться к трупу. Лейтенант Редондо знала слабости и достоинства каждого члена команды, он эксперт в области искусства и археологии, а вовсе не криминологии, потому при расследованиях обычно занимается культурным аспектом. Сабадель не выносил близости и зловония смерти. Однако, желая внести свою лепту, он вмешался:

– Лейтенант, история моты довольно интересна.

– Ты знаешь это место, Сабадель?

– Ну... если честно, нет... Но я знаю, что мота – пример земляного военного сооружения концентрической формы, обычно оно было оснащено деревянными башнями, но они, разумеется, не сохранились. В общем, это крайне оригинальный тип средневекового фортификационного сооружения, на Пиренейском полуострове такое редкость.

Все, что сообщил младший лейтенант, Валентина уже успела прочитать на информационном плакате. Сабадель знает не больше нее самой.

– Ладно. Когда вернемся в отделение, изучишь все материалы о моте и подобных сооружениях в наших краях, вдруг это важно. А пока мы с Ривейро будем заняты осмотром тела, проследи, чтобы никто из посторонних сюда не проник, я не хочу, чтобы тут собрались зеваки и фотографировали. Пусть держатся не ближе двухсот метров. Возьми на себя руководство патрульными.

– Сделаю.

– Ах да, и распорядись, чтобы поставили щит повыше или натянули экран вон с той стороны, там с балконов прекрасно все просматривается. Пустите в ход все, что найдется, у меня

в машине есть пара термоодеял. И скажите жителям не высовываться из окон и не выходить на балконы, а самое главное – ничего не фотографировать. Агенты из штаба Суансеса тебе помогут, капитан Карусо настоятельно попросил меня, чтобы ничего не просочилось в прессу. Кроме того, нужно будет опросить жильцов всех домов. Чуть дальше есть еще и частные дома, надо и там всех обойти.

– Понятно, лейтенант, – скорбно вздохнул Сабадель.

Валентина и Ривейро облачились в защитные комбинезоны и медленно направились к центру идеальной мишени, которую представляла собой мота, все глубже погружаясь в колодез времени.

Чем ближе они подходили к труп, тем сильнее Валентину тревожила странная атмосфера, она никак не могла отогнать навязчивое чувство – своего рода тревожное любопытство, вызванное столкновением с чем-то совершенно чуждым. За время работы она повидала немало трупов в самых разных ситуациях, но никогда не встречала ничего подобного. Если бы не бледность лежавшей перед ней мертвой женщины, она бы приняла все это за театральную постановку. Казалось, они стоят на величественной сцене античного театра – как, например, в Мериде, куда их с братом в детстве водили родители.

Подойдя к телу вплотную, Валентина отказалась от гипотезы о суициде – тело лежало так картинно, что не оставалось сомнений: уложили его намеренно. Валентина и Ривейро присели на корточки.

– Чувствуешь? – спросила она, глядя на сержанта.

– Да, запах не сильный, но отчетливый. Что-то знакомое, вот только определить не могу.

Валентина кивнула и уверенно произнесла:

– Ваниль. Думаю, наша принцесса пахнет ванилью. Невероятно. Ее еще и надушили.

– Твою ж мать.

– Да уж.

Валентина изучала лицо женщины – такое умиротворенное. Вблизи черты напоминали скорее нордические, нежели испанские.

– Что же с тобой случилось, принцесса? Откуда ты такая взялась? – пробормотала Валентина и принялась осматривать одежду.

Неглубокий вырез платья, переплетенный тесьмой цвета старого золота, прикрывала прозрачная шелковая кисея. Простые прямые рукава плотно облегли руки до запястий. Изящная вышивка на манжетах не оставляла сомнений: будь эта женщина (тридцати – тридцати пяти лет на вид, не более) из далеких времен, к простолюдинам она явно не принадлежала бы. Накидка без рукавов, что-то вроде жилета, из тонкой светло-коричневой кожи доставала почти до щиколоток, на ногах темно-коричневые сандалии, с виду ручной работы.

– На испанку не похожа, – задумчиво произнес Ривейро.

– Не похожа, – согласилась лейтенант, – я бы сказала, она из Скандинавии. Одежда и правда выглядит старинной, хотя вроде как не заношенная. Что думаешь?

– Неудивительно, что Маса так впечатлился. Взгляни на обувь, эти сандалии точно носили, они даже приняли форму ее ноги.

– Только не говори, что и ты считаешь ее пришельцем из прошлого. Не позволяй этим декорациям сбить себя с толку, сержант. Машины времени не существует.

– Знаю, лейтенант, просто раньше мы никогда с подобным не сталкивались.

– Тут ты прав. Психи становятся все изощреннее. Может, у нас как раз один из таких, с богатой фантазией? Насмотрелся фильмов про принцесс и драконов и поехал головой на этой почве?

Ривейро грустно улыбнулся.

– Может.

– Обрати внимание, на ногтях нет лака, но они очень ухоженные. Ни бус, ни колец нет... Уши тоже не проколоты, никаких серег, так что навскидку я скажу, что она точно не похожа на типичную жительницу большого города. Татуировки или отметины?

Ривейро покачал головой.

– Об этом я вам отчитаюсь через несколько часов, – вмешалась Клара Мухика. – Пока я лишь заглянула к ней под юбку и не обнаружила никаких ссадин, синяков или прочих следов насилия.

– То есть...

– То есть вряд ли ее изнасиловали.

– Ладно. – Валентина облегченно вздохнула, будто ее утешила мысль, что женщину не подвергли насилию, перед тем как убить. – А что с бельем? Оно какое – современное или тоже старинное?

– Ты не первая об этом подумала. Но белья на ней нет.

– Вот как? – Валентина поразмыслила и покосилась на Ривейро. – А она выбрита?

– Тоже нет.

– Если бы не одна деталь, – проговорила лейтенант, – я и сама уже начала бы думать, что где-то среди этих руин запрятан туннель времени.

– Какая деталь? – чуть ли не хором спросили Ривейро и Мухика.

– Брови. Вернее, их форма. Вам они не кажутся слишком?... Ну не знаю, похоже на депиляцию в салоне красоты. Они у нее современные.

– А ты права, – согласилась судмедэксперт. – Но в целом лицо выглядит очень естественно, она даже не покрашена.

– Как знать, может, пятьсот лет тому назад уже практиковали депиляцию воском, – заметил Ривейро. – Но на гламурную тусовщицу она и правда не похожа, если ты об этом.

– Я рассматриваю все возможности, Ривейро, и пока уверена только в одном: эта женщина не прибыла к нам из Средних веков. В любом случае после судмедэкспертизы у нас появятся более надежные данные. Мухика, а под ногтями у нее что-нибудь нашли?

– Ничего, они в идеальном состоянии. Словно она только-только из салона и сразу сюда.

– И пахнет ванилью, – добавил Ривейро.

– Да, и это тоже. И монета, которую она держала в руке. Монету забрал Лоренсо Сальвадор. Вон он у автобуса, спросите его.

– Спросим, – кивнула Валентина, – спасибо, Клара. Позвони, как будут результаты, здесь от нас толку мало, займемся опросом местных жителей.

– Хорошо, но дай мне время, ты же меня знаешь, я люблю работать спокойно. Не хочу, чтобы уже через час мой телефон разрывался от звонков.

– Да, конечно, не волнуйся. Выждем час с четвертью, – улыбнулась Валентина.

Она встала, подала Ривейро знак следовать за ней.

Внезапно послышались крики:

– Я имею полное право! Вы что, не понимаете?

Лейтенант и сержант развернулись на вопли – кричал мужчина.

– У вас, разумеется, нет детей, сразу заметно! Надели форму и возомнили себя всесильными. Да отпустите меня, мать вашу!

– Как только вы успокоитесь. И попридержите язык, а то я могу вас прямиком отсюда увезти в участок, глазом моргнуть не успеете.

Младший лейтенант Сабадель держал за плечи худого светловолосого мужчину средних лет, одетого в пижаму и халат, на ногах тапочки. Лицо Сабаделя было бы безучастным, не выражай оно легкую досаду. Он прищелкнул языком. Мужчина в пижаме перестал сопротивляться, и Сабадель, на помощь к которому уже спешил высокий крепкий полицейский, ослабил хватку и отпустил крикуна, который продолжал бормотать “сраные легавые”.

Валентина подошла к ним. В криминалистическом комбинезоне она напоминала гостью из будущего. В присутствии постороннего она обратилась к Сабаделю формально:

– Объясните, что тут происходит, младший лейтенант.

– Как это – что тут происходит? Это вы мне объясните, что тут происходит! – снова заорал человек. – Вы знаете, кто я такой? А? Знаете кто?

– Кто-нибудь, срочно вызовите врача, – Сабадель притворился взволнованным, – сеньор не знает, кто он такой.

– Сабадель! – осадила его Валентина. – Давайте сначала все успокоимся. Я лейтенант Валентина Редондо. Представьтесь и вы, пожалуйста.

– Я Мануэль Серденьо, председатель сообщества жильцов нашего дома. – Человек указал на дом. Голос он понизил. – Тут живут маленькие дети, вы в курсе? У меня у самого двое. А нам никто ничего толком не объясняет, говорят, нашли мертвую девушку – ее видела соседка из квартиры 2А. Хоть вы и пытаетесь тут все прикрыть, мы знаем, что на моте что-то произошло. А тут еще нам заявили, чтобы не подходили к окнам. Да это форменное нарушение конституционных прав! Ваш долг уведомить нас о случившемся, мы за это вообще-то налоги платим. А вы обращаетесь с нами, будто мы преступники.

– Уважаемый сеньор, наш долг – обеспечивать безопасность и порядок. На моте сейчас ведется расследование, и от местных жителей требуется одно – спокойствие. Уверена, что вы как председатель поспособствуете этому. Разумеется, как только нам разрешат поделиться информацией, мы первым делом свяжемся лично с вами как с представителем жильцов. А пока вы можете оказать услугу следствию. Скажите, видели вы или слышали что-нибудь необычное этой ночью?

Мануэль Серденьо, казалось, немного расслабился. Слова Валентины, что должность председателя сообщества жильцов дает ему какие-то привилегии в глазах полиции, были, разумеется, лишь словами, но они возымели действие.

– Я, ну... Нет, ничего необычного не слышал и не видел, пока вас не углядел в окно кухни... В будние дни я встаю рано, и...

– Понятно. А ваша квартира?

– Что? Вы хотите осмотреть мою квартиру?

– Нет. Но если вы не возражаете, я хотела бы узнать, из какой вы квартиры, чтобы опросить остальных жильцов.

– Конечно, конечно, я понял. Первый корпус, квартира 1В.

– Спасибо. А сейчас, с вашего позволения, нам нужно продолжить работу, так что прошу вас вернуться к себе. Мы свяжемся с вами, если у нас возникнут еще вопросы, и тогда предоставим всю информацию... совершенно конфиденциально, разумеется.

– Я все понял. Но вы действительно свяжетесь со мной?

– Сразу же, не волнуйтесь.

Человек немного поколебался, но потом двинулся прочь. Когда он отошел на приличное расстояние, Валентина повернулась к Сабаделю.

– И что, это так сложно? – яростно, но тихо спросила она.

Сабадель отвел взгляд. Лейтенант Редондо никогда не повышала голоса, разговаривая со своими подчиненными при свидетелях, но непрофессионального поведения на месте преступления она не выносила.

– Может, ты заметил, что бедняга ушел ни с чем, но успокоенный. И, ради всего святого, не заставляй меня больше тратить время на такие глупости! Мы не на детской площадке.

– Лейтенант, он просто налетел на меня и сразу начал орать, что мне еще оставалось делать?

– Ох, даже не представляю. А я сейчас что делала? – Валентина Редондо с трудом сдерживала гнев. – Обсудим в отделении.

Даже не взглянув на Сабаделя, лейтенант направилась к Лоренсо Сальвадору, начальнику криминалистов. Сержант Ривейро молча последовал за ней. По пути им встретились кинологи с двумя немецкими овчарками, собакам предстояло обследовать территорию. Если убийца оставил хоть какие-нибудь следы, вряд ли их пропустят полицейские собаки.

– Доброе утро, лейтенант Редондо, – радушно поприветствовал Лоренсо Сальвадор.

Начальник криминалистов был невысоким человеком с тщательно уложенными волосами, в которых серебрилась седина. Он производил впечатление человека, который с достоинством принимает свой возраст. В свои пятьдесят, несмотря на наметившийся животик, выглядел он очень молодо – возможно, потому, что в любой ситуации сохранял превосходное расположение духа.

Он улыбнулся Валентине:

– Ни свет ни заря, а у вас уже страсти кипят.

– Очень смешно, Сальвадор.

– В какой-то момент я даже испугался, что этот тип сейчас снимет тапок, а в нем оружие массового поражения. – Но, увидев, что Валентине не до шуток, Сальвадор перешел к делу: – Ладно, Редондо, как тебе наша ренессансная дева?

– Кто?

– Труп на моте, лейтенант.

– А. Но почему ренессансная?

– Из-за монеты. Ты разве не про монету хотела спросить?

– Угадал.

– Вот, любуйся. – Он протянул Валентине пластиковый пакет с монетой внутри.

Монета была тонкая, тусклая и истертая, на первый взгляд выглядела так, будто ее вылепили из пластилина. Изображения и буквы от времени смазались, хотя можно было различить льва в короне на обратной стороне монеты и башню – или замок – на лицевой.

– Похоже на медь, – сказал криминалист, – с виду настоящая. И если мои подслеповатые глаза не подводят, тут указан 1563 год.

– То есть шестнадцатый век.

– Именно. Поэтому и Ренессанс.

– Ренессанс, значит? Но пока мне все талдычили про Средневековье.

– Ну да, одета она на средневековый манер, но, если не ошибаюсь, Средневековье закончилось где-то веке в пятнадцатом, нет? А потом Ренессанс, барокко и... Ладно, без понятия, что там дальше – промышленная революция? – Он пожал плечами. – В общем, на этот раз ты найдешь, чем занять своего спеца по культуре. – И с выражением полнейшей невинности Сальвадор посмотрел в сторону Сабаделя.

Проследив за его взглядом, Валентина вздохнула:

– Получается, у нас неопознанная женщина, одетая, по всеобщему мнению, как в эпоху Средневековья, но в руках у нее монета эпохи Ренессанса. Кроме того, вероятно, умерла она не здесь, а тело перенесли на моту. То есть места преступления у нас тоже нет. Потрясающе.

– Судья с секретарем прибыли, – вмешался Ривейро.

– Отлично, – ответила Валентина. – Чем быстрее увезут тело, тем лучше.

Она проследила, как паркуется судья Хорхе Талавера. Валентина очень ценила упорство судьи и его умение разобраться в самой щекотливой ситуации. Он был асом судебных протоколов и всевозможных бюрократических процедур. Характером Талавера обладал легким, нравом веселым, но с Валентиной они так и не сблизились. Валентина была перфекционисткой, помешанной на работе, а Талавера – жизнелюбом, который, несмотря на весь свой профессионализм, не принимал близко к сердцу проходившие через его руки дела. К тому же в жизни Талаверы, помимо работы, имелась и семья – жена и две дочери-подростка, которых он самозабвенно баловал и с которыми столь же самозабвенно ругался.

Талавера ценил настойчивость Валентины Редондо, ее личную вовлеченность в расследования, но вот ее перфекционизм находил чрезмерным и даже слегка нездоровым. А еще его смущал ее взгляд. Зеленый глаз Валентины смотрел тепло, а другой глаз, бездонно-черный, будто гипнотизировал. Талавере, хоть они с Валентиной и были знакомы уже несколько лет, виделось в этом разноцветном взгляде нечто смутно-враждебное.

Выйдя из машины, Талавера поприветствовал Валентину сдержанным кивком. Лейтенант смотрела, как судья с секретарем идут по проходу навстречу Кларе Мухике – Клара и судья были близкими друзьями. Валентина не присоединилась к ним, ожидая, когда сможет побеседовать с судьей. Необходимо уведомить все полицейские участки и управления и выяснить, не заявлял ли кто-нибудь об исчезновении этой загадочной женщины с моты, не числится ли она где-то в списках пропавших.

В ход ее размышлений ворвался голос сержанта Ривейро:

– Тебя что-то беспокоит, Редондо?

Она улыбнулась:

– Кроме очевидного?

– Да, кроме. Я же вижу, ты нервничаешь.

Она кивнула.

– Помнишь, мы обсуждали методы уголовного расследования, когда я только прошла курс профайлинга в Мадриде? – спросила лейтенант.

– Ты сейчас о психологическом профиле преступника, верно?

– Именно. Так вот, меня тревожит то, что убийца явно обладает познаниями в области паталогоанатомии.

– Ты права. Он все проделал крайне аккуратно. Останься здесь хоть какие-то следы и отпечатки, он наверняка от них избавился.

– По всей видимости, да. Остается лишь надеяться, что он не так скрупулезен, не такой педант, каким себя считает, и криминалисты что-нибудь да обнаружат. Но, боюсь, это слабые надежды. И вот еще что сразу бросается в глаза: убийца хотел, чтобы мы нашли ту одну-единственную подсказку, которая у нас сейчас и есть.

– Монета?

– Монета. Что он хочет нам этим сказать? Он ведь все равно что подпись оставил, понимаешь? Догадываешься, что это значит?

– Вроде бы... Пожалуй, да, – задумчиво произнес Ривейро, пытаясь припомнить рассказы Валентины про опыт, полученный на курсе профайлинга. Такие же методики расследования применялись в английском Скотланд-Ярде и во французской Сюрте. Сержант заговорил, прикрыв глаза, словно так его память работала лучше: – Когда убийца оставляет подпись, это означает, что он методичен; он знает, что его будут искать, но не сомневается в своей безнаказанности, так? Он считает себя умнее нас... Честно говоря, Редондо, не знаю, какая психологическая хрень подтолкнула его оставить свою подпись. Он что, желает поиграть в кошки-мышки?

– Возможно. Или же он сделал это по какой-то причине, которая пока нам неясна. Но я уверена, что так он заявляет о своих намерениях.

– В каком смысле? Ты о чем?

– Он сделает это снова, Ривейро. – Лейтенант вздохнула, глядя в центр моты, где стоял судья Талавера. Потом перевела взгляд на сержанта и жестко повторила: – Он сделает это снова.

Нёрдлинген, Бавария

Пять лет назад

Стоял октябрь, промозглый немецкий холод пронизывал до костей. Однако Паоло Иовис решительно шел вперед. Иовис родился и вырос в итальянском Сорренто. Со смотровой площадки возле их дома, что стоял прямо над глубоким ущельем, он мог любоваться видом на Неаполитанский залив, хотя в самом Неаполе бывал в те времена нечасто.

Однако детские воспоминания о летних каникулах не сохранили привкуса Сорренто или одной из многочисленных деревушек амальфитанского побережья – прекраснейшие Амальфи и Позитано были для него всего лишь местом отдыха капризных туристов. Каникулы Паоло проводил по ту сторону Тирренского моря, всего час на пароме, и каждый июнь он, абсолютно счастливый, пересекал море и оказывался на острове Капри. Там, в окружении бабушки и двоюродных братьев и сестер, он наслаждался тем, что станет потом его чудесными летними воспоминаниями: темные ночи окунаются в звездную пыль, а небо такое ясное и близкое, что, кажется, его можно коснуться рукой.

Мать Паоло могла дать ему только такие каникулы – с тех пор как овдовела, ей приходилось работать горничной в двух отелях Сорренто, и летом у нее совсем не оставалось времени на сына. Ее малыш Паоло заслуживал веселое и беззаботное лето, полное игр и фантазий. Жизнь успеет позаботиться о том, чтобы омрачить его дни, – так же, как омрачила ее. Рак поджелудочной железы забрал у нее мужа, оставив ее в одиночку растить четырехлетнего сына, и теперь все, что она могла ему дать, чтобы не заразить своей меланхолией, – отправить его проводить лето на острове.

Карло, дедушка Паоло, с ранних лет был моряком. Он жил в огромном старом доме, выкрашенном в белый цвет. Дом принадлежал его жене Софии – им по очереди владели уже несколько поколений семьи – и располагался у самого моря, на полпути между Марина-Гранде и историческим центром Капри. Чтобы добраться в город без фуникулера, приходилось двадцать минут подниматься в гору, так что люди навевались туда редко, но Капри тоже наводнили туристы, заполнили магазины и элегантные отели.

* * *

Иногда по утрам, когда дедушка отправлялся рыбачить, Паоло составлял ему компанию. Какое наслаждение скользить по теплым водам Тирренского моря, любуясь величественными скалами и обрывами и заплывая в какую-нибудь из десятков пещер острова. Туристы ограничивались Голубым гротом и часами торчали на баркасах на самом солнцепеке, чтобы провести там всего-навсего несколько минут, но Паоло знал, что настоящие сокровища скрываются в стороне от известных маршрутов.

– Дедуль, ну давай! Давай сплавляем туда, я там еще не был! – кричал Паоло, сидя на носу лодки и указывая на расщелину в одной из скал.

– Туда? – спрашивал Карло. – Паоло, это же никакой не грот, это просто щель в камне, и все. Скоро начнется прилив. Это небезопасно.

– А вдруг там внутри большая пещера? А, дедуль? Представляешь? И сокровища! Это же настоящее убежище корсаров, туда можно залезть только во время отлива.

– Ох, парень... ну ты и фантазер! – противился Карло, в душе восхищаясь восторженной наивностью внука. – Лучше займись футболом, как Марадона, и брось эти фантазии – тебе уже целых десять лет.

Паоло смеялся и качал головой, потому что уже тогда знал, что его призвание не игры в мяч, а наука: исследовать, добираться до сути вещей. Может, именно скалы Амальфитаны пробудили в нем жажду узнать, что за истории кроются за каждым из этих камней. Или, может, тому виной морские прогулки с дедушкой Карло, во время которых он все больше влюблялся не только в Капри, но и в его гроты и тайны. Паоло Иовис довольно рано принял решение стать геологом: когда вырастет, он превратится в одного из самых бесстрашных и известных итальянских путешественников.

И вот теперь, спустя много лет, Паоло находился в удивительном немецком городе Нёрдлинген в составе экспедиции из четырех человек. Группа была разношерстной. Марку Льянесу, самому старшему, минуло сорок, это был каталонец с вечно невозмутимым выражением лица и уже основательным животом. Остальные – это Хельдер Нунес, португальский эксперт по подводной археологии и археометрии, низенький, жилистый и вертлявый, чуть за тридцать; сам Паоло Иовис – итальянец, геолог, а также известный научный фотограф, страсть к фотографии у него естественным образом выросла из основной раб⁶ оты. Паоло казался самым молодым – может, за счет никогда не сходявшего красивого загара. Он был неутомимым странником, после ранней смерти матери ему не хотелось подолгу оставаться в квартире, полной воспоминаний и ностальгии. И, наконец, весьма упитанный Артуро Дюбах, археолог из Швейцарии, испанец по матери, специалист в области археометрии.

Между собой они обычно общались на испанском, потому что благодаря многочисленным поездкам по Южной Америке он стал для них чем-то вроде лингва франка, хотя все четверо также владели английским.

Ни один из них не был женат – возможно, потому, что образ жизни путешественника не особо способствует стабильным романтическим отношениям. Марк был в разводе. Про Хельдера было лишь известно, что он гей, а Марк для него – идеал. За Паоло закрепилось амплуа неотразимого итальянца и плейбоя. И лишь швейцарец Артуро в этом отношении был человеком пристроенным – в Женеве у него была подруга.

Общее увлечение спелеологией часто сводило четырех друзей вместе, но в Нёрдлингене их привела работа над научным проектом. Там они с ней и познакомились. Ее трудно было не заметить.

Ванда Карсавина.

Современная, свободная, раскрепощенная, любознательная, полиглотка. В компании таких женщин, как Ванда, любой день превращался в незабываемый. Эта высокая светловолосая полька была очень красива какой-то суровой нордической красотой, мягкие линии ее тела буквально зачаровывали, а в небесно-голубых глазах светился ум. Со следующего семестра она начинала читать курс археологии и средневековой истории в университете Фрайбурга, а в те дни как раз заканчивала работу в *Stadtmauermuseum* – Музее городской стены. Больше всего в Нёрдлингене ее впечатлял кратер вулкана, на котором стоял город. Кратер напоминал рану, оставленную миллионы лет назад упавшим на землю метеоритом.

Марк по привычке – или в силу возраста – взял на себя роль лидера их маленькой группы, когда они гуляли по городу, хотя на самом деле он просто следовал за Вандой, которая была их гидом по Нёрдлингену. Хельдер и Артуро внимательно слушали и делали заметки. Паоло следил за рассказом и фотографировал – его интересовала не идиллическая атмосфера или средневековый характер этого места, а материал, из которого были построены здания. За этим они туда и приехали.

– Значит, метеорит упал... сколько – тринадцать миллионов лет назад? – спросил Марк.

– Скорее, пятнадцать, – ответила Ванда, – но уцелели лишь крохотные осколки.

⁶ Раздел археологии, занимающийся определением возраста и происхождения археологических объектов физико-химическими методами.

– Могу себе представить... А планировка города? Ведь он почти идеально круглой формы, как если бы городскую стену возводили ровно по периметру кратера, да и время тут словно остановилось.

Ванда Карсавина улыбнулась.

– Ну, видимо, кратер с периметром в двадцать пять километров показался первопоселенцам вполне подходящим, чтобы осесть. В Нёрдлингене и правда будто попадаешь в Средневековье. Здесь всего двадцать тысяч жителей, и чуть не все они участвуют в средневековом празднике, что проходит в сентябре. Если честно, ради этого я сюда и приехала.

– Ради праздника?

– Нет, – засмеялась она, – чтобы изучать период с двенадцатого по пятнадцатый век. От старого города сохранилось одиннадцать башен, тюрьма и даже пять ворот в стене.

– Ого! – восхитился Марк. – Значит, вас интересует позднее Средневековье. А мы здесь, по правде говоря, по причине, далекой от пятнадцатого века, сеньорита.

– Я знаю, – кивнула Ванда, – вы занимаетесь геологией и археологией, правильно?

– Правильно, – с улыбкой подтвердил Марк. – Нёрдлинген, должно быть, единственное в мире место, где здания построены из алмазов.

– Не совсем так. Это микровкрапления алмазов, – уточнила она.

Дело в том, что на месте падения метеорита образовались горы, порода которых содержала графит. Порода использовалась для строительства стены и городских зданий. Марк с коллегами очутились тут благодаря проекту “Даймонд”, который спонсировал в том числе и авторитетный научно-популярный журнал *Science*, где публиковался Марк. Им предстояло изучить не только особенности местной геологии, но и зависимость архитектуры и образа жизни “человека разумного” от условий конкретной среды.

Когда Ванда Карсавина закончила экскурсию, они все вместе отправились в заведение, в угоду туристам пародировавшее типичную средневековую таверну. Они миновали церковь Святого Георгия, откуда доносился крик, каждые полчаса неизменно и отчетливо разлетающийся над городом: *So G’sell, so! So G’sell, soooo!..*⁷

– Что он говорит? – спросил Паоло у Ванды.

– Кто? – удивилась она.

– Этот голос, из башни. Он постоянно кричит.

– А, это. Я уже его и замечать перестала – привыкла. Что-то вроде “Все в порядке, друг, все в порядке”. Эти слова эхом разносятся над городом с десяти утра и до полуночи, еще одна сохранившаяся местная средневековая традиция, будто стражник до сих пор охраняет границы, – весело объяснила она. Было видно, что ей нравится здесь жить.

Когда в таверне мужчины заказали по второму пиву, а Ванда как раз собралась уходить, что-то в разговоре вдруг заставило девушку застыть на месте.

– Вы используете спелеологию как метод эмпирического исследования? Правда? И со средневековыми объектами тоже? – изумленно спросила она.

– Ну да! – откликнулся Артуро. – А вы думали, мы только в древних камнях ковыряемся? Вовсе нет! Человек возвращался жить в пещеры и во времена Римской империи, и в Средневековье – конечно, временно.

– Да, понимаю, – несколько холодно ответила Ванда, словно он усомнился в ее образованности. – Но я имею в виду раскопки в пещерах, которые дали что-то значительное, а не только черепки посуды или парочку средневековых скелетов.

– Совсем уж значительных открытий в пещерах сделано не было, – признался Марк, – но есть крайне интересные случаи. Например, пещера Ройстон в Великобритании, вы о ней слышали?

⁷ Вот так, господа, вот так (англ.).

– Нет, – покачала головой молодая женщина.

– Так вот, на стенах этой пещеры сохранились невероятная резьба и надписи, которым может быть около восьмисот лет.

– Работа тамплиеров?

– Вполне вероятно, – кивнул Марк. – Немало интересных памятников есть, например, в Кантабрии.

– В Кантабрии? Это где – в Испании?

– Да, на севере Испании. Там в пещерах Ла-Гарма обнаружили керамику раннего Средневековья, очень искусная работа, а ведь еще есть потрясающие находки в тамошних карстовых массивах.

– Вот поэтому, – перебил его Артуро, раздуваясь от гордости, словно сам родился в кантабрийской пещере, – а еще потому, что там уйма пещер, интересных для геологов и археологов, мы решили предложить провести в Кантабрии следующий Международный конгресс спелеологов.

– Международный конгресс спелеологов! Правда? Даже не знала, что такие проводятся... Это научный конгресс?

– Разумеется! Съезд историков, биологов, геологов... ученые первого ряда, сеньорита!

– Словом, дорогая коллега, – вмешался Паоло, – внутренности Земли содержат ответы на многие вопросы и хранят столько тайн, что вы и представить не в силах. Поэтому нам нужно найти способ совершить одно крайне важное путешествие.

– Важное путешествие? Куда? – с жадным любопытством спросила Ванда.

– К центру Земли, сеньорита, – улыбнулся Паоло, – куда же еще. В самый центр Земли.

3

Он покинул этот странный мир, лишь ненамного опередив меня. Но это ничего не значит. Мы, люди, верующие в физику, знаем, что различие между прошлым, настоящим и будущим – лишь иллюзия.

Из речи Альберта Эйнштейна на похоронах Мишеля Бессо

Туман и море, как тайные любовники, связаны неразрывно. Им суждена разлука, самой природой им предначертано двигаться разными путями, но порой они соединяются, и их свидание оказывается столь же прекрасным, сколь и недолгим, и скоро их связь растворится в воздухе.

Оливер любил туманные утра. Он знал, что низкие облака к полудню либо рассеются, либо поднимутся выше, но пока они прилегали к земле, придавая миру вид таинственный и исполненный покоя. Такие утра напоминали Оливеру об их с братом детстве, прошедшем между Лондоном, Стирлингом и Эдинбургом, о знаменитых морских туманах Шотландии – хотя, конечно, *haar* был куда плотнее и холоднее кантабрийского, он зарождался над поверхностью моря, а ветер приносил его на сушу. Такой туман мог держаться по нескольку дней, он проникал под кожу, вгрызался в кости, отчего людям казалось, что влага пропитывает их насквозь. Но эфемерный испанский туман, от которого к полудню не останется и следа, нравился Оливеру больше.

Устроившись на террасе со второй чашкой кофе, он принялся размышлять о Валентине. Временами его приводил в замешательство взгляд ее разноцветных глаз, он терялся в бесконечности, видимой лишь ей одной, а лицо становилось жестким и чужим. Но, стряхнув своих демонов, она дарила ему теплую и искреннюю улыбку, которая, словно якорь, помогала ему держаться на плаву. Когда они занимались любовью, Валентина спокойно и уверенно отдавалась Оливеру, не бросая ему вызов, не борясь с ним. В ней не было притворства. С появлением Валентины его прошлое осталось наконец позади, тоска превратилась в воспоминания, в ее объятиях он обрел новый дом, пусть даже какие-то двери в этом доме всегда оставались закрытыми для него.

Когда-то в жизни Оливера была другая женщина, и весь мир для него был заключен в ней. Она любила его, но, ощутив дыхание смерти в кабинете онколога, разорвала их отношения, чтобы выстроить менее предсказуемое и более увлекательное будущее. Оливер Гордон остался один, несмотря на свои привлекательность, ум и обаяние. Он тогда разуверился в любви и долгое время предпочитал одиночество, но сейчас осознал, что на смену тому глубокому и сильному чувству пришло новое, не менее удивительное и сильное, что новая любовь незаметно заполнила его изнутри, она не была лучше прежней, она просто была другой.

Сидя на террасе, Оливер думал, как же ему повезло – у него есть и любимая женщина, и дом, и планы. Мечта, благодаря которой он научился дышать полной грудью и ощутил желание жить, теперь определяла все. Будущее, подобно неизведанному полю, расстилалось у его ног, и он был готов ступить на новый путь. Оливер никогда не говорил об этом вслух, но знал, что они с Валентиной по-своему счастливы. Даже слишком счастливы. Однако оба старались не подавать виду, особенно она – всегда начеку и где-то глубоко внутри сохраняет недоверие к тому, что все идет слишком хорошо. Оливер же смаковал эти глотки счастья, как мудрец, понимающий, что нет ничего вечного, и верил, что со временем завоюет полное доверие Валентины.

Тем не менее нутро его сжимала все та же многолетняя боль, будто язва желудка, с разной интенсивностью периодически напоминавшая о себе. Вот уже два года от его брата Гильермо не было никаких вестей, кроме странного звонка около полугода назад. Оливер пытался найти

брата, а Валентина как могла поддерживала его – не только словом, но и делом. Но пока все усилия не дали результата.

Потому-то у Оливера иной раз не хватало сил встречать утро улыбкой, он постоянно ощущал горький привкус неизвестности и тоски. Исчезновение брата так просто не сотрешь из памяти. Как можно жить нормальной жизнью, если в твоей семье случилось такое? Сможет ли он когда-нибудь смириться с этим вечным чувством беспокойства?

Оливеру отчаянно хотелось поговорить с братом или хотя бы узнать, что с ним случилось. Он желал рассказать Гильермо обо всем, что произошло с момента его исчезновения, словно это могло смягчить боль, дать силы справиться с горем, принять перемены. За время отсутствия брата их мать погибла в аварии, Оливер переехал в Кантабрию из родного Лондона, а в их испанском фамильном доме нашли скелет младенца. Последовавшие новые смерти и события вскрыли неожиданные кровные связи, но мало того – Оливер узнал нечто, во что, казалось, невозможно поверить. Как же просто все было в детстве. А сейчас ему приходится плавать в море взрослой жизни, полном скрытых угроз.

– *Morning, mate!*⁸ Ну и видок у тебя! Лара Крофт прогнала на диван? Да ладно, не объясняй... – с наигранным драматизмом произнес его невесть откуда взявшийся собеседник. – Что стряслось в любовном гнездышке?

– *Good morning, Michael, did you sleep well?*⁹

– *In spanish, please!*¹⁰ Мне нужно совершенствовать и полировать мой испанский, старина.

Оливер с улыбкой взглянул на парня, который стоял, привалившись к стойке террасы. Гость продолжил болтать с небольшим, едва уловимым андалузским акцентом, сохранившимся после нескольких лет индивидуальных занятий с преподавателем из Севильи. Майкл Блэйк был его школьным другом. Медно-золотистые длинные волосы и трехдневная щетина придавали Майклу небрежный, почти неопрятный вид – впрочем, это впечатление сглаживали элегантная белая рубашка поло и безупречно чистые голубые джинсы.

– Ага, *spanish*, иди налей себе кофе, кофейник на плите.

– Это ты обо мне позаботился?

– Конечно, других лодырей тут нет.

– Это я-то лодырь? Я, бедный иммигрант? Прошу во всем винить мое начальство за плохое обращение и низкую оплату труда. – Гость по-хозяйски прошел в дом и налил себе кофе. На кухне он ориентировался совершенно свободно.

– Ты про начальника, который пустил тебя пожить в эту скромную обитель? – с иронией спросил Оливер, кивнув на величественный особняк, виллу “Марина”.

– С тех пор как ты здесь сделался главным, мальчик мой, ты стал просто невыносим, – ухмыльнулся Майкл.

Сев рядом с Оливером, он легонько похлопал его по колену. Некоторая манерность выдавала его сексуальные предпочтения. Сейчас, после двух продолжительных любовных историй, он переживал период затишья и не пытался найти пару.

Майкл жил на вилле “Марина” уже пятую неделю; в прошлом году он решил провести какое-то время в Испании в компании Оливера, чтобы, по его словам, поискать новые возможности в своих занятиях музыкой – Майкл был кларнетистом и композитором. Заодно он собирался улучшить свой испанский. Они договорились, что в обмен на жилье и питание Майкл будет помогать Оливеру принимать постояльцев и выполнять часть административной работы, большего гость в принципе делать не мог. Завтраками, которые подавали на вилле, занима-

⁸ Доброе утро, приятель! (англ.)

⁹ Доброе утро, Майкл, тебе хорошо спалось? (англ.)

¹⁰ По-испански, пожалуйста! (англ.)

лась Матильда – кантабрийка средних лет, сильная, серьезная и немногословная, хоть и очень обходительная, она же успешно управлялась и с уборкой.

Вообще-то Оливер собирался приютить Майкла безо всяких условий, но тот и слышать ничего не захотел о том, чтобы, как он выразился, “быть нахлебником и паразитом”. Майкл отказался жить в доме с Оливером, понимая, что зарождающимся отношениям с Валентиной требуются пространство и интимность. Хоть Майкл и был склонен к хаосу в быту, как и полагается богеме, он оказался прекрасным управляющим. Возможно, гостей к нему располагала его романтическая ирландская внешность (притом что он был англичанином до мозга костей) или, может, лукавая улыбка и хитроватый взгляд. Или же секрет его обаяния заключался в непринужденной манере изъясняться на испанском – всегда чуть не всерьез. Интерес гостей вызывали и его спонтанные этюды на кларнете в саду или в библиотеке виллы “Марина”.

– Поведайте правду своему дворецкому, мистер Гордон, – с притворным пафосом попросил Майкл. – Взгляд у тебя был задумчивей, чем у Клинта Иствуда. О чем думал?

– О Гильермо, – ответил Оливер, по-прежнему глядя на море, уже различавшееся за дымкой тумана.

– А... понятно. Гильермо.

Майкл тут же оставил шутливый тон и некоторое время молчал, размышляя о брате Оливера, которого знал. А затем задал вопрос, заранее предвидя отрицательный ответ:

– Никаких новостей о том звонке?

– Нет, ничего. Но послушай, ты точно не хочешь перейти на английский? – Оливеру было странно разговаривать с другом на неродном языке.

– Точно не хочу, я же тебе сказал. *In spanish, please*, неужели ты не видишь, что я – человек мира?

– Ладно, закрыли тему, отныне говорим только *in spanish*. А я-то думал, ты просто приехал навестить лучшего друга.

– Ну разумеется, мой мальчик. Но дай мне попрактиковаться.

– Какой ты упертый, – вздохнул Оливер. – Но воля твоя.

– *Thank you, Mr. Gordon*¹¹. – Майкл хитро улыбнулся. – Так, о чем мы говорили?... Значит, из звонка Гильермо не удалось выудить никакой информации?

– Ничего, – покачал головой Оливер. – Отследить сигнал не удалось, я надеялся, что можно установить хотя бы положение терминала по спутнику, но большинство спутников контролирует правительство США, а через этот бюрократический ад не пробиться.

– Да уж, сочувствую, приятель. Не знаешь, у твоего брата был подписанный договор с компанией или это просто одноразовая сим-карта?

– Не был, а есть.

– Ну конечно, дружище, разумеется, я это и имел в виду. Я просто помочь пытаюсь.

– Да, знаю, извини.

– Так договор или симка?

– Симка. Он не хотел заключать контракт с телефонными компаниями, утверждал, что у них слишком много информации о нас, а правительство потом этим пользуется, потому чем меньше они о нем знают, тем лучше.

– Свободолюбивый дух.

– Нет. Просто озлобленный. Он был патриотом, фанател от британских военных, но после операции “Телик” люто возненавидел все, что имеет отношение к войне и государству. Он ведь первое время после возвращения и спать нормально не мог, просыпался от кошмаров, не понимал, где находится. Страдал галлюцинациями даже днем.¹²

¹¹ Спасибо, мистер Гордон (*англ.*).

¹² Военная операция в ходе военной кампании в Ираке в 2003 году.

– Ирак, похоже, сломал ему психику. Я пару раз пробовал его расспросить, но он не хотел ни о чем рассказывать.

– Мне тоже.

– А лечиться он не пытался?

– Поначалу пытался, но спустя пару месяцев забросил. Мать тогда сразу поняла – этот идиот прятал таблетки в ящике с трусами. Короче... – Оливер замолчал и вздохнул.

Друзья немного помолчали. Наконец Майкл задумчиво проговорил:

– Что-то мы наверняка упустили.

– Что?

– Ну должна же быть какая-то зацепка, которая укажет, куда он мог двинуть. А давайте начнем заново... У меня есть идея.

Майкл быстро скрылся в доме и вскоре вернулся с блокнотом и ручкой. Усевшись рядом с другом, открыл блокнот.

– Так, точная дата, когда он исчез?

Оливер покачал головой:

– Спасибо тебе, конечно, но я уже сотню раз прогонял это в голове и столько же раз обсуждал с британской и испанской полицией...

– Ты говорил. И толку ноль, – перебил Майкл. – Слушай, я люблю твоего брата и переживаю за него. Давай же!

Оливер вздохнул.

– Двадцать шестого марта, почти два года назад.

– Так, а день недели?

– А это зачем?

– Откуда мне знать, мало ли. Не одно и то же – свалить в среду или в субботу.

Оливер улыбнулся.

– Вторник.

– Вот видишь? Ты в курсе, что по статистике больше всего преступлений приходится на субботу?

– Да ладно тебе.

– Я серьезно. И на декабрь.

– Семейные рождественские сборища располагают, – усмехнулся Оливер. – Но напомним тебе, что мы сейчас обсуждаем не преступление.

– Да, но у исчезновений тоже может быть какая-то закономерность.

– Возможно, но в этом случае день недели значения не имеет. Так мы ничего не добьемся.

– Это что еще за настрой, – нахмурился Майкл. И бодро продолжил: – Так, ладно, давай пройдемся по фактам. Гильермо был военным... прости, он военный, и сейчас ему сорок один. Верно?

– Верно.

– Когда ему было двадцать девять, его командировали в Басру. Из Ирака он вернулся еще до окончания военной операции и был среди тех, кто свидетельствовал против своих товарищей и командиров, обвиняя их в пытках и расправах... Жуть, конечно, но вам он наверняка подробностей не рассказывал?

– Никогда.

– Так, что там дальше... Гильермо в полной жопе и решает спасти мир в духе *харе кришны*.

– Господи, какой ты идиот. Что еще за “в духе *харе кришны*”? – невольно рассмеялся Оливер.

– Ну это мое определение. Ладно, он заделался волонтером, сотрудничал со всякими неправительственными организациями по всему миру, вы периодически теряли его из виду,

потому что ему в голову не приходило позвонить родным, и объявлялся он непредсказуемо. В общем, вел себя как полный мудак. – Майкл жестом остановил Оливера, порывавшегося что-то сказать: – Все, успокойся, я же не говорю, что он мудак, в смысле, полный идиот. Понятно, что это просто последствия войны и прочего дерьма.

– Травматический невроз, если точнее.

– Вот-вот. На момент исчезновения у Гильермо уже целую вечность не было никаких отношений, насколько нам известно, а лондонские друзья ничего о нем давным-давно не слышали, потому что последние года три-четыре он спасал китов и прочих зверушек неведомо где.

– Спасал китов, работал на “Международную амнистию”, сотрудничал с ЮНИСЕФ и с *Born Free*¹³.

– *Born Free*? Британцы? Это ведь они борются с нелегальной торговлей дикими животными?

– Они самые. А также он сотрудничал с Гринписом и еще одной британской организацией, *Earth Action*¹⁴, слышал про такую?

– Разумеется. – Голос у Майкла теперь звучал серьезно. – Но чего он хотел? Искупить свое военное прошлое? Спасти мир?

– Наверняка что-то в этом духе. Думаю, для него это был способ жить согласно принципам, которые он выбрал, вернувшись из Басры.

– А вы с родителями в эту благородную систему ценностей явно не вписались.

Майкл тут же пожалел о сказанном и взглядом попросил у Оливера прощения.

– Ладно. Если настаиваешь, – Оливер встал, – я расскажу, что знаю, а доктор Ватсон может делать записи в своем блокноте.

Майкл кивнул:

– Начинай.

– Тогда слушай. Гильермо обычно прощался с нами, когда уезжал на свои “миссии”; говорил, куда направляется, в каком проекте участвует, мы только не знали, когда он вернется, ну и когда позвонит, чтобы сообщить, что у него все в порядке. Поначалу он довольно часто звонил родителям, но постепенно звонки становились все реже, он все больше уходил в себя. Со мной он почти не общался. Если честно, он меня вообще избегал. Не знаю почему. Потом он внезапно объявлялся – на Рождество или просто так, без предупреждения. Единственной связью был мобильный, который он постоянно держал выключенным. Если нам было нужно поговорить с Гильермо, мы отправляли ему сообщение, и в самом лучшем случае он перезванивал через несколько дней.

– Заботливый сын.

– Человек с посттравматическим расстройством.

– Ты же сказал – невроз?

– Ну какая разница. Мне продолжать?

– Да, пожалуйста.

– За несколько дней до своего исчезновения Гильермо позвонил маме с Лансароте и объявил, что занят новым очень важным проектом, который займет много времени, и что штаб-квартира проекта находится очень далеко от Лондона. Кажется, что-то¹⁵ связанное с окружающей средой, но больше он ничего не сказал.

– И какого дьявола твой брат делал на Лансароте? На пляжах валялся?

– Нет, конечно. Ты не помнишь?

¹³ *Born Free Foundation* (Фонд рожденных свободными) – фонд защиты диких животных.

¹⁴ Некоммерческая сеть, устраивающая всевозможные акции по всему миру, направленные на привлечение внимания к глобальным проблемам, объединяет почти 3000 организаций, а также самых разных людей, от актеров до политиков.

¹⁵ Один из Канарских островов.

– Ох, боже мой, дружище, я же тогда был в Париже, а вы не сразу придали этому значение, сначала думали, что очередная его вылазка...

– Да, правда, извини. Ты тогда готовился к экзаменам в Парижской консерватории, верно?

– Именно, – ответил Майкл, не скрывая гордости.

– И жил тогда вроде бы... с Пьером? Кстати, что-нибудь о нем слышно?

– Ну ты и зануда. Я сейчас занят только музыкой. И вообще-то мы о твоём брате говорили.

– Ладно, прости.

– Давай уже дальше.

– Ну, короче, Гильермо отправился на Канарские острова, чтобы встретиться там с представителями пяти некоммерческих организаций, которые занимались проблемами окружающей среды. Они готовили акции против разработки нефтяных месторождений, испанское правительство как раз собиралось одобрить эти разработки. Он даже рассказал мне о некоторых исследованиях, они хотели представить их правительству вместе с моделью устойчивого энергетического развития на основе возобновляемой энергии... Да ты и сам знаешь про все эти аргументы экологов.

– И это последнее, что о нем известно?

– Нет. Последнее, что я знаю, – он побывал на нескольких встречах в Лансароте, а потом объявил коллегам из Гринписа, что ему нужно срочно уехать из-за нового проекта, а вот куда уехать – не сказал.

– Но ведь не пешком же он с острова ушел. Его данные наверняка сохранились в каком-нибудь аэропорту.

– Если бы! Полиция проверила все рейсы после того, как Гильермо попрощался с товарищами, но его данных нигде нет. В аэропорту Арресифе знают, что надо сообщить, если вдруг мой брат появится там.

– А если он вовсе не покидал Лансароте? Напился и свалился со скалы. Ну или спутался с какой-нибудь девкой, та оказалась проституткой, и сутенер пришил Гильермо...

– Притормози свое буйное воображение. Ты как будто уверен, что он мертв.

– Я не уверен, просто не исключаю такой возможности, Оливер.

Молчание друзей было сродни темной пропасти, дна которой не видно. Наконец Оливер вздохнул.

– Понимаю, но как же звонок. И еще я чувствую вот здесь, – Оливер указал на сердце, – что это не так, что он жив.

– Надеяться – хорошо, но быть реалистом тоже неплохо. Подумай, как он мог покинуть остров? И если он до сих пор там, почему ни разу не вышел на связь за целых два года? Ваша мать умерла, а он, видимо, даже не в курсе.

– Знаю. Но бывает так, что кто-то покидает остров контрабандой. Показываешь паспорт – и тебя даже не регистрируют. Помнишь, как на твоё совершеннолетие мы на автобусе из Лондона доехали до Нормандии?

– Еще бы, наше нормандское путешествие!

– Так вот, помнишь, до чего легко мы оплатили билет на вокзале, как на какой-нибудь парковке? А на таможне у нас только посмотрели паспорта, прямо из рук, даже из автобуса выходить не пришлось, чтобы подняться на паром. Внутри Европы легко пересечь границу, если ты европеец и не выглядишь подозрительно.

– Ты прав, – согласился Майкл.

– К тому же я уверен, что брат искал вариант подешевле. На счету почти ноль, работы нет. В Лондоне он жил у родителей, это они давали ему деньги на “проекты”. Думаю, оплачивать жизнь хиппи было ошибкой, но мать хотела, чтобы он как-то оправился после Ирака.

Майкл продолжал записывать.

– Ясно. То есть ты отрицаешь вариант, что он все еще на Лансароте?

– Все возможно. Но полиция его везде искала. Мама даже сдала свою ДНК, чтобы его могли опознать в случае чего. Нигде никаких следов. Я сам ездил на остров, хотел поговорить с теми, кто видел его последним, но, кажется, Гильермо никого не оповестил о дальнейших планах.

– А если он угодил в секту?

– И это не исключено. Думаю, Гильермо вполне того типа человек, чтобы попасться на крючок. Ему нужно было во что-то верить.

– А как с его банковским счетом? Карты? Должны же сохраниться какие-то сведения, за что-то он все-таки платил.

– У него не было банковской карты.

Майкл округлил глаза.

– Серьезно? С какой вообще планеты наш Гильермо?

– Карточками он не пользовался – дескать, это “еще один способ контроля со стороны государства”. Поэтому всегда имел при себе наличные. А счет у него был почти на нуле, так что деньги с него он тоже не смог бы снять.

– Ага, значит, никаких денег.

– Не совсем так. У него есть вклад в пятнадцать тысяч фунтов в банке “Ллойдс”, это часть маминого наследства, но Гильермо же не знает, что она умерла... И еще она ему завещала квартиру в Челси.

Майкл восхищенно присвистнул:

– Ого!

Оливер помолчал пару секунд и продолжил:

– Итог такой: спустя бог знает сколько времени, хоть британская и испанская полиция допросили всех на свете и осмотрели все места, где он побывал, у нас есть только телефонный звонок полгода назад...

– Оливер, насчет звонка... Может, это вовсе и не Гильермо был? Может, кто-то нашел его телефон и случайно набрал твой номер?

– Я понимаю. Ты даже не представляешь, как я мучаюсь, оттого что пропустил звонок. Если бы я тогда ответил, может, не было бы сейчас всего этого разговора.

– Эй, ну теперь еще начнешь себя винить, прекрати. Остается только ждать, когда янки поделятся данными со своих чертовых спутников.

– Похоже на то, – устало улынулся Оливер. – Какие-то там тридцать спутников, которые вращаются на расстоянии двадцати тысяч километров от Земли. Только они и могут сообщить, где сейчас мой брат.

– Других способов нет? Неужто никак не отследить мобильный телефон?

– Ну, еще применяли триангуляцию.

– Триа... что?

– Телефонную триангуляцию. Это вычисление той мощности, при которой сигнал от конкретной антенны достигает мобильного терминала, даже если тот выключен. Сравнив мощность различных антенн, можно получить приблизительное местоположение телефона. Конечно, это тоже оказалось непросто, ведь задействованы телефонные операторы, а у брата английская компания. Поэтому пришлось скоординировать работу испанских компаний, которые работают на территории, откуда поступил вызов, с британскими, которые контролируют его терминал. Если бы не Валентина с Хорхе Талаверой... – Оливер вздохнул. – Ладно, как насчет продолжить расследование чуть позже, мистер Ватсон? Или лучше Холмс?

– Договорились, приятель. К тому же мне надо на почту. – Майкл сунул блокнот под мышку и резко поднялся.

– На почту? Решил отправить домой посылку?

– Нет, конечно. Видишь ли, я кочевник. А кочевники никогда не знают точно адреса, по которому будут обитать. Вот я и попросил пересылать всю корреспонденцию на местное отделение. Я уже так делал, когда жил в Амстердаме и Париже. – Майкл подмигнул. – В Амстердаме я жил в трех разных местах, вот и представь, каково было бы менять каждый раз абонентский ящик. Кошмар!

Уже в дверях он обернулся:

– Если нет постоянного дома, приходится изворачиваться всеми возможными способами! – Он помахал блокнотом: – Вот увидишь, что-нибудь мы найдем.

Оливер задумчиво смотрел на море. Почта. Абонентский ящик. Чертов абонентский ящик. Самая обычная почта. И как он не додумался раньше?

Он быстро направился в дом, сердце учащенно колотилось.

* * *

Валентина Редондо переговорила с капитаном Карусо и теперь готовилась встретиться со следственной группой в Пеньякастильо, пригороде Сантандера, где находилось их отделение. Нужно обсудить новое дело и распределить обязанности. День клонился к полудню. Судья Талавера уже распорядился увезти тело средневековой дамы. Валентина вошла в конференц-зал, через стену от ее кабинета, там уже собралась вся ее группа. Только Ривейро заметил ее появление, и она жестом попросила его помолчать. Ей хотелось послушать, что думают подчиненные о принцессе с Моты-де-Треспаласиос.

– Вы только представьте! – восторгалась Марта Торрес, самая молодая в группе. – Путешествие во времени! А почему нет? Сто лет тому назад и подумать нельзя было о мобильных телефонах или, скажем, о лечении рака...

– Не то чтобы я совсем в такое не верил, хоть это и пахнет дурдомом... – Сабадель, как обычно, прищелкнул языком и тоном опытного лектора продолжил: – Но Альберт Эйнштейн со своей теорией относительности полностью изменил наше представление о пространстве и времени.

Капрал Камарго, куда менее восторженный, чем его подопечная Марта Торрес, покачал головой:

– Невозможно. Абсолютно исключено. Поверю, только если увижу собственными глазами. К тому же, раз уж речь о путешествиях во времени, они должны осуществляться только в будущее, но не в прошлое, ведь прошлого уже не существует, а любое изменение может привести к тому, что, например, сам путешественник во времени вообще никогда не родится, так что мы опять возвращаемся к тому, с чего начали. Одним словом, это невозможно. Женщина просто нарядилась, вот и все.

– В Кантабрии в средневековые наряды облачаются летом, в туристический сезон. А сейчас февраль, – возразила Марта Торрес – похоже, всерьез увлеченная романтическим аспектом нового дела.

– Да ладно тебе, Торрес, наряжаются не только для туристов. К тому же она явно не отсюда. Не похожа на местную.

Камарго говорил покровительственно, именно ему Валентина Редондо поручила опекать двух молодых новичков, Марту Торрес и Альберто Субисаррету. Хотя Роберто Камарго был всего на каких-то четыре-пять лет старше своих подопечных, опыта он уже набрался изрядно, побывав не в одной передрыге, о чем с удовольствием рассказывал всем, кто готов был его слушать.

– И вообще, вы как это себе представляете? У нас тут что, “Звездные врата” и путешествия сквозь галактики?

– Ну нет, Камарго, звездные врата соединяют два разных мира, а не разные временные эпохи! – выпалила Торрес и победно улыбнулась.

– Извините, ваше межгалактическое высокопреосвященство. Действительно, это я, дорогая Торрес, лажанулся.

Камарго рассмеялся. Все понимали, что Торрес просто шутила, но Камарго уже изучил ее и знал, что молодая оперативница порой слишком увлекается и дает волю ребячливости. Агент Марта Торрес была хрупкая и очень хорошенькая, с гладкими каштановыми волосами, обычно собранными в слегка растрепанный кокетливый хвост. Камарго она очень нравилась, тем более что несколько месяцев назад он расстался со своей девушкой.

Младший лейтенант Сабадель со значением проговорил:

– Стивен Хокинг вслед за Эйнштейном утверждает, что путешествовать во времени можно сквозь кротовые норы...

– Это вполне возможно, – вступил второй новичок, Субисаррета, который обыкновенно помалкивал. – В мире столько всего неизученного! А что вообще такое время? Ведь все относительно. Звезда умерла тысячи лет назад, но мы до сих пор видим ее свет. Для нас она по-прежнему существует, но в своем измерении – нет. Время существует только в нас, а мы есть то, что мы делаем, но что бы мы ни делали, мы все равно исчезнем.

– Господи, еще один философ, – проворчал Сабадель.

Марта Торрес, проигнорировав глубокомысленный пассаж своего напарника Субисарреты, продолжила гнуть свое:

– Средневековая дама. А вспомните “Доктора Кто”, там все туда-сюда скажут во времени в обычной телефонной кабинке.

– Ты смотрела “Доктора Кто”? – изумился Сабадель. – Это же фильм моей молодости... Эх, старый добрый Доктор и его “Тардис”, – мечтательно протянул он.

Торрес собиралась было ответить, но ее опередила Валентина Редондо:

– Как я погляжу, вы уже вовсю работаете над новым делом. Но надеюсь, что подобные экспертные теории не проникнут потом в отчеты. – Ледяной взгляд разноцветных глаз ясно давал понять, что веселье закончилось. – Поделюсь с вами фактами, от которых мы будем отталкиваться в расследовании. Первое: звездных врат не существует. Второе: путешественников во времени – тоже. Третье: все, кто родился в Средневековье, уже лет пятьсот как мертвы. И наконец, жертва, – она указала на разложенные фото, – вероятно, умерла от отравления и, еще вероятнее, в другом месте. Но не много веков назад, а примерно за шесть-восемь часов до того, как нашли тело.

Среди подчиненных пробежал гул. Отравлена? Восемь часов назад? Получается, еще накануне вечером эта женщина, так похожая на средневековую принцессу, была жива?

– В руке у нее была зажата монета, судя по всему, шестнадцатого века, и это – уточняя специально для Малдера и Скалли, – с легкой усмешкой Валентина посмотрела на Субисаррету и Торрес, – вовсе не означает, что женщина явилась к нам из другой эпохи.

При упоминании агентов ФБР из “Секретных материалов” все рассмеялись. Марта Торрес, восхищавшаяся Валентиной Редондо, слегка покраснела. Альберто Субисаррета обиженно уставился в окно.

Сабадель расхохотался.

– Какие-то проблемы, Доктор Кто? Хотите доложить мне о кротовых норах? – спросила Валентина, в упор глядя на него.

Сабадель умолк, поняв, что утренний инцидент с председателем сообщества жильцов еще не забыт.

Валентина принялась распределять работу. Торрес, Субисаррета и Камарго отправятся опрашивать жителей в окрестностях моты. Сабадель пусть изучит руины и попытается что-то выяснить про эту монету, а также установит, что за одежда на принцессе. Платье навер-

няка из определенной эпохи, ткань следует отдать на экспертизу. Она еще поговорит об этом с Лоренсо Сальвадором. Ривейро займется протоколом, а затем проверит последние данные о пропавших. Она же сама отправится на моту и займется опросом свидетелей, начнет со старика, обнаружившего труп.

Валентину не оставляло неприятное чувство, что дело это куда более сложное, что за смертью таинственной принцессы таится нечто еще более страшное. Она никак не могла понять причину этого чувства. Странные обстоятельства дела? Ее так поразили явно ритуальный характер страшной находки? Или же атмосфера моты, этого зловещего места, пробралась ей под кожу? Она буквально ощущала сгущающееся вокруг зло. Валентина постаралась стряхнуть с себя этот морок. Подумала об Оливере, о том, чем он сейчас занят. Надо будет ему позвонить позже.

– Редондо, – услышала Валентина у себя за спиной.

Она оглянулась. На нее обеспокоенно смотрел капитан Карусо.

– Загляни, пожалуйста, ко мне в кабинет.

– Да, капитан... Мы как раз заканчивали совещание по поводу женщины с моты.

Валентина удивилась: она ведь только-только побеседовала с боссом.

– Знаю. Зайди, – коротко приказал капитан.

Все переглянулись. Валентина последовала за капитаном Карусо в его кабинет и закрыла за собой дверь.

– Еще один, Редондо.

– Еще один? О чем вы?

– Еще один труп. Еще один труп, мать твою. Мне только что сообщили.

– Что? Но где? На моте? Быть такого не может, я только оттуда...

– Нет, не на моте. В Комильясе.

– Но... в каком смысле в Комильясе? – удивилась Валентина. – В городе, на руинах?..

Где?

– Где? Что за вопросы? Место не имеет такого уж значения, важен способ. Тело нашли в болоте, в природном парке. В Ойамбре, знаешь это место?

– В Ойамбре? Конечно, это на выезде из Комильяса в сторону Сан-Висенте-де-Баркера, там длинный пляж.

– Ну вот там-то его и нашли, лейтенант. В чертовом болоте, которое, судя по всему, доходит до пляжа Ойамбре, где в море впадает речушка. Гражданский патруль Комильяса уже там, стерегут труп и ждут экспертов и судью. И все это накануне пасхальной недели. Хуже некуда, Редондо. Вот же скотство какое.

Обескураженная Валентина несколько секунд молчала.

– И кто это? Еще одна девушка в средневековой одежде?

– Девушка? Нет. – Капитан Карусо, похоже, пришел в себя после выплеска эмоций. – Это очень прилично одетый мужчина, и, если не ошибаюсь, одежда современная.

– Его уже опознали?

– Пока нет. Тело могло пролежать в трясине достаточно долгое время.

– Но, капитан, ведь тогда... Оба преступления должен расследовать наш отдел?

– Оба? Ты о чем?

– Да, капитан, я имею в виду мужчину в болоте и женщину с моты, а как я понимаю, связи между ними нет. Это два дела.

– Ошибаешься, Редондо, это не два дела. В том-то и загвоздка, понимаешь. Кажется, между телами есть связь. У этого парня тоже нашли монету в руках, как и у красотки, понимаешь? Эта дурацкая монета все меняет.

– Монета...

– Да, лейтенант, монета. Надеюсь, мы не имеем дело с психопатом, как в прошлом году... только бы не это! Слишком много сумасшедших за такой короткий срок. Надеюсь, эти ублюдки не возьмут моду приезжать сюда на каникулы! – Он угрюмо ухмыльнулся своей шутке. – Так или иначе, монету сначала надо отправить на экспертизу, остается мизерный шанс, что это просто совпадение, но не верю я в случайные трупы с одной и той же подписью.

Валентина вспомнила свой разговор с Ривейро несколько часов назад. Труп на моте с монетой в руках – “подписью”, как выразился Ривейро. Мужчина на болоте, пролежавший там, возможно, уже несколько дней, с точно таким же знаком, такой же “подписью”. Она ошибалась. Думала, что убийца сделает это снова, но он, похоже, все уже сделал. И начал еще до принцессы на Моте-де-Треспаласиос. Лейтенант Редондо осознала, что вступила в игру, которая ведется на ринге необозримых размеров и по чужим правилам. И что игра эта началась не сейчас.

Нёрдлинген, Бавария

Пять лет назад

Ванда внимательно разглядывала четырех мужчин, сидящих за столом в очаровательной нёрдлингенской таверне, имитирующей средневековую. О каждом она навела справки еще до их приезда, поскольку ей поручили сопровождать их и помогать проекту “Даймонд” с логистикой.

Под действием пива и духоты все расслабились, и разговор потек более непринужденно. Рядом с Вандой сидел Марк Льянес – один из наиболее авторитетных специалистов по пещерам и палеолитическим захоронениям. Он сразу понравился Ванде, ее впечатляли его обширные познания и огромный опыт в раскопках.

Ванда перевела взгляд на сидящего напротив Артуро Дюбах. Швейцарец Дюбах, с очень бледной потрескавшейся от солнца кожей, был крупнее и крепче своих коллег. Она знала, что Дюбах – геолог и историк, в сотрудничестве с НАСА он изучал геологическую среду для подготовки космических миссий. Он вовсе не производил впечатление зануды, как поначалу опасалась Ванда.

К Хельдеру Нунесу она до сих пор не особо присматривалась, он был самый молчаливый, но из всех четверых лишь он ей не понравился. Ее немного коробило, что португалец хвостом следует за Марком, вот и в таверне сел с ним рядом – верный оруженосец, на которого его рыцарь, правда, не обращает особого внимания.

А вот Паоло Иовис, напротив, вызвал у нее огромный интерес. Он совершенно не соответствовал расхожему представлению об ученом. При такой привлекательной и яркой среди-земноморской внешности его легко можно было бы принять за актера, а легкий бронзовый загар впечатляюще контрастировал с холодным октябрьским городом, где они сейчас находились. О Паоло ей было известно мало: геолог, как и Артуро, работает в Университете Фридриха II в Неаполе, на кафедре науки о Земле и окружающей среде; заработал вполне серьезный авторитет как научный фотограф. Журналы вроде *Nature*, *Science* и *Geology* регулярно публикуют его снимки.

– Извините, вы сказали, путешествие к центру Земли? – недоверчиво спросила она у Паоло.

– Именно так, сеньорита, – ответил он с улыбкой.

– Вы, верно, воображаете себя Жюлем Верном. – Ванда иронично изогнула бровь.

– Ох, нет, сеньорита. Если вы про книгу о подземном мире, то, на мой взгляд, это просто приключенческая история, которая, если подумать, могла происходить как в недрах Земли, так и где-нибудь в амазонских джунглях. Тогда уж уместнее вспомнить По.

– Эдгара Аллана По? – удивилась Ванда.

– Именно. – Паоло снова сверкнул улыбкой. – Единственный его оконченный роман как раз посвящен встрече с подземными созданиями.

– Вы ведь шутите?

– И вовсе не шучу, сеньорита. Советую вам почитать “Повесть о приключениях Артура Гордона Пима”, это одна из самых жутких и загадочных вещей, которые я читал в своей жизни.

– Понятно... Вы, наверное, обожаете научную фантастику.

– Я в принципе обожаю читать.

– Но вы же всерьез не думаете, что можно совершить путешествие в центр Земли, правда?

– Разумеется, нет. Но можно узнать о ней намного больше и лучше понять нашу собственную историю, если как следует покопаться в кору.

Тут вмешался Марк:

– Сеньорита Карсавина, я, конечно, не геолог, но соглашусь с коллегой, что ответы на главные загадки науки и истории скрываются в недрах Земли. Просто подумайте, почему наш мир так отличается от прочих планет? Почему тут есть тектоническая активность плит, а на других известных нам планетах ее не существует? Почему на Земле есть вода, а на других известных нам планетах – нет? Ответы на все эти вопросы стоит искать в самом сердце Земли. Вот это и есть верный путь, а не всякие космические экспедиции.

Артуго, участвовавший в проектах НАСА, не удержался:

– Согласен с тобой, Марк, но знание о других планетах поможет нам лучше понять собственную. Задумайся лучше, почему камни в пустынях Аризоны так похожи на марсианские. Или Рио-Тинто...

– Риутинто? – повторила сбитая с толку Ванда.

– Да, Рио-Тинто, река на юго-западе Испании, в области Уэльва, состав тамошней почвы и живущие там бактерии поразительно схожи с теми, что обнаружены на Красной планете, – ответил Артуго.

Ванда, поразмыслив над услышанным, наконец сказала:

– Ладно, господа, если честно, меня куда больше интересует средневековая история человечества, чем научные сведения о геологии, земном ядре и космических экспедициях...

– Ах, дорогая коллега, – с широкой улыбкой сказал Марк, – на самом деле все связано! Возьмем, к примеру, тектонические сдвиги – кто может утверждать, что у нас под ногами не скрыта параллельная история человечества, независимая и сложная, с собственным Средневековьем, ритуалами и верованиями?

– Я не утверждаю, что это невозможно, но считаю маловероятным, сеньор Льянес, – серьезно ответила Ванда. – К тому же, существуй нечто подобное на самом деле, как бы вам удалось туда добраться? С помощью спелеологии? – насмешливо спросила она.

– Как знать, – ответил явно оживившийся Марк. Перегнувшись через стол, он придвинулся ближе к молодой специалистке по археологии и доверительно прошептал: – Вы слышали о Металлической библиотеке?

– О чем? – изумилась Ванда.

Паоло, которого ее изумление развеселило, ответил за товарища:

– Металлическая библиотека – уникальный архив исчезнувшей цивилизации, она могла бы поведать историю человечества за последние двести пятьдесят тысяч лет. Библиотека состоит из керамических, каменных и металлических пластин с гравюрами и рисунками, хотя большую часть материала разворовали...

– Да что вы говорите! – в притворном потрясении воскликнула Ванда. – Звучит невероятно. А можно поинтересоваться, где хранится то, что осталось от этого чуда? Не рядом ли с Розеттским камнем в Британском музее?¹⁶

– Там ей самое место, – согласился Паоло. – Хотите верьте, хотите нет, но сохранившиеся таблички осели в частных коллекциях, часть переплавили, поскольку они были из золота. По правде говоря, нынешнее местонахождение металлических табличек загадка. То немногое, что осталось, растворилось неведомо где в восьмидесятые, когда умер салезианский священник, хранивший их.

– Где хранивший?

– В кантоне Лимон-Инданса, это в Эквадоре. Там обнаружили металлические таблички в геологической породе, возраст которой двести миллионов лет.

– В пещере...

– Да, в одной удивительной пещере на склонах Кондорских Кордильер. Найденные таблички содержали изображения пирамид, слонов и даже динозавров и с трудом поддавались

¹⁶ Знаменитый артефакт, ставший ключом к пониманию иероглифического египетского письма.

датировке. Но самое интересное – это как выглядела пещера. Правильные геометрические формы и идеально симметричные пе¹⁷ ремычки отчетливо указывают на искусственное происхождение.

– Впервые про это слышу, – призналась Ванда, которой уже овладело любопытство. Она уже не думала, что ее разыгрывают. – Почему же никто этим не занимается? Ведь историки, археологи должны просто с ума сходить?

Паоло кивнул:

– И сходят. В этой пещере побывало несколько исследователей, более того, в сопровождении эквадорских солдат, но самый известный ее посетитель – Нил Армстронг.

Ванда снова не поверила своим ушам:

– Астронавт?

– Он самый. Проведя в пещере три дня, он потом уверял, что ощущения были мощнее тех, что он испытал на Луне.

– Ой, ну это уж точно выдумки! – рассмеялась Ванда и тряхнула золотистыми волосами.

– А вы погуглите, сеньорита, – предложил Паоло.

– Непременно погуглю, – с готовностью ответила Ванда. – Допустим, все это правда и за всеми этими пещерами, домыслами и находками действительно что-то есть. Так почему тогда никто не исследует недра Земли и не ведет глубинные раскопки?

Паоло сделал глоток пива и как-то через силу улыбнулся.

– Потому же, почему и всегда, дорогая коллега. Финансирование. Политиков не интересуют ни наука, ни знания. Думаю, вы тоже не раз бились за гранты. Или я ошибаюсь?

Ванда кивнула:

– Нет, не ошибаетесь.

Минутное молчание нарушил Хельдер Нунес, до этого не участвовавший в разговоре:

– Сеньорита Карсавина, не буду оспаривать сказанное коллегами, но позвольте поделиться мнением: секрет того, кто мы такие, зеркальное отражение нашей истории можно обнаружить как в космосе, так и в пещерах, ведущих в подземный мир. Вот только пещер таких мало, и нужного исследовательского материала куда больше на поверхности Земли. Поэтому любые догадки и домысливания – это путь в никуда.

– И что вы предлагаете?

– Исследовать земную поверхность в местах, где воздействие человека было минимальным. Я уверен, что именно в таких местах сохранилась уникальная информация об истинной истории нашей планеты.

Ванда заинтересованно подалась к португальцу, готовясь услышать его рассказ об истинной истории мира и человечества.

¹⁷ Часть горной цепи Кордильер на границе Эквадора и Перу.

4

У нашей команды не было ни цели, ни представления о том, что мы собираемся найти; если бы я как исследователь знал, что найду, я бы этим не занимался. Точно так же ученый экспериментирует с клетками, атомами или космосом, не зная, что его ждет.

Жак-Ив Кусто. “Люди, орхидеи и осьминоги”

Валентина Редондо и Хакобо Ривейро подъезжали к устью реки Капитан у пляжа Ойамбре. Машину вела Валентина. Было решено лишь немного отойти от первоначального плана: Сабадель, как и договорились, займется историческими изысканиями о Моте-де-Тrespаласиос и монете 1563 года, Камарго и Торрес с Субисарретой проведут опросы в районе Гандары, где было найдено тело принцессы. Но Камарго также предстоит пробить по базе данных всех пропавших без вести, поскольку Ривейро отправился в Комильяс. Валентина втайне желала, чтобы монета в руках трупа мужчины на болоте не имела никакого отношения к их принцессе.

Около двух часов дня они с Ривейро наспех перекусили бутербродами в кафешке при отделении и выехали в Комильяс. Валентина даже не успела поговорить с Оливером, они лишь обменялись сообщениями в ватсапе, он написал, что вечером ее ждут кое-какие новости. Валентина ответила, что на ней уже два трупа, но добавила, что, разумеется, очень ждет уютного вечера в доме Оливера. Она успела заглянуть в только что полученный отчет, который всколыхнул надежду разыскать Гильермо, брата Оливера, но об этом она расскажет, когда они встретятся дома.

Редондо и Ривейро подъезжали к месту, где обнаружили второй труп. Дорога здесь плавно изгибалась, а пейзаж за окном, несмотря на хмурый серый день, радовал глаз – по правую руку то и дело мелькало море, слева ветер колыхал луговые травы. Центр Комильяса остался позади, а до Сан-Висенте-де-ла-Баркера еще было километров семь-восемь. Теперь шоссе тянулось вдоль реки, и у полицейских обнаружилось сопровождение – две белые цапли медленно летели чуть впереди, вид у них был такой уверенный и невозмутимый, будто все им было известно заранее.

– Твою мать, это еще что? – удивился Ривейро.

В том месте, где должно было начинаться устье реки, они увидели нечто, напоминавшее большую овальную лагуну неправильной формы, – зловещего вида болото с мутной водой и торчащими вокруг голыми стволами деревьев.

– Это лиман, Ривейро. Ты никогда здесь не был? – спросила Редондо.

– Похоже, что нет. Такое точно не забудешь. Хоть туман рассеялся, а то прямо Мертвые топи.

– Мертвые что?

– Мертвые топи! Неужто “Властелина колец” не смотрела?

– Смотрела, но не помню.

– Мои дочери фанатеют. Пришлось пересмотреть с ними все части черт знает сколько раз. И клянусь, это вылитые Мертвые топи, один в один, такая же жуть. Не помнишь, серьезно? Ну это когда Горлум ведет Фродо и Сэма в Мордор через болота, а там трупы воинов в воде... Вот прямо вылитое то место.

– Мордор? – Валентина рассмеялась. – Да это же обыкновенный эстуарий! Нам только Мордора не хватает, а то в Суансесе – принцесса, тут – “Властелин колец”, для полного комплекта осталось найти труп Гэндальфа. Погоди-ка! Это что еще такое? – Валентина сбросила скорость, впереди показались стоящие патрульные машины. – Ну точно. Эльфы! Переоделись патрульными. А мы забыли свои джедайские мечи, – посетовала она.

Ривейро засмеялся. Валентина присоединилась к нему, сворачивая на обочину к остальным машинам.

Один из полицейских из отделения в Комильясе проводил их на противоположную сторону дороги за ограду. Ривейро шел, не в силах отвести взгляд от торчащего впереди из стоячей воды совершенно голого эвкалипта.

Валентина на миг приостановилась у обшарпанной вывески, буквы почти стерлись, но можно было разобрать: “Салон танцев «Тыковка». Глянь, как пляшут”. Впереди показалось вытянутое двухэтажное здание. Построенное лет пятьдесят-шестьдесят назад, оно выглядело заброшенным и по-настоящему жутковатым. Белая краска висела сгустками.

Перед домом стояло нелепое сооружение из деревянных поддонов – жилище для дюжины уток. Тут же, на двух длинных столах, накрытых желтыми клеенками, рядами выстроились тыквы. Сквозь грязные окна виднелось нагромождение мебели и какого-то непонятного хлама. Посреди сухих плетей плюща, обвившего фасад, торчала параболическая антенна.

– Что это за место? – спросила Валентина у патрульного.

– Старый танцевальный салон, его закрыли еще в девяностых, примерно когда я родился, – улыбнулся юный полицейский.

Но его лицо тут же окаменело – он наткнулся на разноцветный взгляд Валентины. Она буквально прочла мысли парня: “Эта та самая лейтенантша из Сантандера, которой все так боятся? И что у нее с одним глазом? Он у нее слепой? А так ничего, и на стерву вроде не похожа”.

Валентина прекрасно знала, что коллеги о ней судачат, но рассказывать о себе никому не собиралась. Какой сейчас была бы ее жизнь, останься брат в живых? Именно из-за него у нее такие глаза. Один удар – и все изменилось. Сейчас, спустя столько лет, порой ее даже забавляло, когда люди терялись при взгляде на нее. Именно гибель Агустина привела ее в полицию. Окончила юридический, получила докторскую степень по психологии и пошла в полицию. Это решение далось Валентине легко: ее дядя Марсиал служил в ранге сержанта в Сантьяго-де-Компостела, он и поспособствовал ее выбору. Идея выбрать для работы Кантабрию, а не родную Галисию тоже не была случайной, ей хотелось оказаться подальше от родных, чтобы страх за близких не мешал ей бороться с преступностью. Но только дома, в Галисии, она позволяла себе расслабиться и не держаться настороже.

Вдруг Валентина услышала “Видел ли ты когда-нибудь дождь” группы *Creedence*, доносившуюся откуда-то из глубины дома. Песня закончилась, но тут же зазвучала снова – очевидно, ее поставили на повтор. О затишье после бури, насладиться которым удастся лишь счастливым.

– Кто в доме? – спросила Валентина юного патрульного.

– Хозяин, – вздохнул парень. – Старик явно страдает синдромом Диогена. Они с женой много лет жили в Америке, а потом вернулись и открыли салон танцев, он был довольно популярным. Неплохой человек, но после смерти жены оставил все дела, заперся в доме, никуда не выходит. Моя бабушка его знает, он и вправду хороший, никому от него никакого вреда. Вообще-то это он сообщил, что увидел в воде что-то странное. Когда мы¹⁸ приехали, течение прибило тело почти к самому берегу, как раз у дома.

– Да, я заметила, – кивнула Валентина.

Вблизи размеры дома впечатляли: три этажа, а не два, как это выглядело со стороны дороги. Перепад высоты на участке, спускавшемся к лиману, скрывал не только масштабы дома, но и размеры обступившего его огромного сада, заросшего и тоже заваленного сломанной мебелью.

¹⁸ Синдром Диогена, или синдром старческого убожества, – психическое расстройство, для которого характерно крайне пренебрежительное отношение к себе, социальная изоляция, склонность к собиранию всякой всячины.

Валентина подошла к месту, огороженному криминалистами. Тут были знакомые из горной поисково-спасательной группы, а также Лоренсо Сальвадор, руководивший разметкой участка на квадраты для обследования. На земле лежал продолговатый мешок, в который, судя по всему, уже упаковали труп. Клара Мухика в это время должна была проводить вскрытие принцессы, поэтому сюда прибыла ее помощница Альмудена Кардона.

Поздоровавшись с сержантом из местного отделения, Валентина решила не терять времени и осмотреть труп. Облачившись в комбинезоны, они с Ривейро прошли за ленту. Лейтенант ожидала увидеть тело в плачевном состоянии, однако облепленный тиной труп сохранился неплохо, хоть приятным такое зрелище все равно не назовешь.

– Привет, Кардона, как ты? – спросила Валентина судмедэксперта.

– Потихоньку, – улыбнулась та одними глазами над скрывавшей пол-лица маской.

Труп лежал на спине, человек был одет в элегантный серо-синий костюм, который, несмотря на грязь, выглядел дорогим. Синяя рубашка, галстука нет, один черный ботинок. Второй увяз где-то в мертвых топях, а может, остался в багажнике какого-то автомобиля или в любом другом месте, куда хозяин ботинок вряд ли планировал попасть.

Описать лежащего перед ними мужчину было непросто. Валентина и Ривейро молча осмотрели его. Худой, но наметилось пивное брюшко – правда, живот мог вздуться от газов в процессе разложения, – короткие каштановые волосы, возраст около сорока пяти, кожа бледная, рыхлая. Но вот лицо жертвы совершенно не поддавалось опознанию, обитатели мертвых топей успели как следует над ним поработать, особенно над левой половиной.

– О, вот и “Команда-А”! – воскликнул Лоренсо и помахал им рукой в знак приветствия. – Ну как вам? Сегодня прямо-таки комбинация карт Таро: Королева и Повешенный.

– Повешенный? – удивилась Валентина.

– Ага, его задушили. Это вроде бы установили. Кардона, я правильно говорю?

Судмедэксперт кивнула и сделала им знак приблизиться.

– Видите? – указала она на едва заметную красную борозду на шее мертвого. – Душили его, скорее всего, удавкой или тонкой веревкой. Похоже, кто-то напал сзади и затянул удавку. Обратите внимание, тут след поглубже, видите? – Она указала на кадык.

– То есть убийца был человеком сильным? – спросил Ривейро, отметив, что покойный достаточно высок, никак не меньше метра восьмидесяти.

– Полагаю, да, но, как всегда в таких случаях говорит Мухика, лучше не торопиться с выводами, а дождаться результатов вскрытия.

– Конечно, – согласился Ривейро. – Но как ты думаешь, сколько он пролежал в болоте?

Судмедэксперт приподняла руку трупа.

– Руки просто как у прачки, – сказала она и уронила руку мертвеца. – А значит, в воде уже не меньше недели.

– Как у прачки? – Валентина удивленно посмотрела на Кардону.

– Ну да. Видите, кожа уже слезает, будто перчатка. От длительного пребывания в воде кожа начинает отходить, такое состояние называется “рукой прачки”. Трупное окоченение приводит к побелению кожного покрова, кожа сморщивается и становится более плотной. К тому же заметны эмфизематозные изменения, под воздействием газов труп раздулся. Все же надеюсь, что еще получится снять четкие отпечатки пальцев.

– При нем ничего не было? Обручального кольца, кошелька, карточек, хоть чего-нибудь?

– Нет, насколько я знаю, – покачала головой судмедэксперт и кивнула на Лоренсо Сальвадора: – Это нужно уточнять у него.

– У нас есть монета, уже что-то, – отозвался криминалист.

– Я в курсе, – сказала Валентина, – иначе бы нас здесь не было.

– А, ну да, ну да. Погодите, сейчас покажу.

Сальвадор нагнулся к своему чемоданчику и достал пластиковый пакетик, Валентина и Ривейро приблизились. Монета действительно напоминала ту, что они видели утром, хотя эта, вторая, не отдавала матовым блеском старого золота, она была светло-коричневой, менее истертой и лежала в прозрачном мешочке, обвязанном синим шнурком.

– Того же года, что и первая? – спросил Ривейро.

– Без понятия, – признался Лоренсо. – Я не смог разобрать, что на ней написано, изучу в лаборатории, но выглядит такой же старой. Тут что-то вроде замка, лев и буквы, но их не прочесть без аппаратуры.

– И над каждой буквой, похоже, корона, – сказала Валентина, склонившись над пакетиком с монетой.

– А ведь точно! – воскликнул Лоренсо. – И правда короны! И надпись по краю...

– Черт, теперь еще и нумизматом придется заделаться, – посетовал Ривейро.

Валентина все рассматривала пакетик с уликой.

– А что это за синий шнурок?

– В этом и суть, лейтенант, – Лоренсо покачал головой, – монета была упакована в пластиковый пакет, перетянутый этим шнурком, а шнурок был привязан к брючной петельке. Должно быть, пакетик лежал в кармане, но когда тело нашли, он свисал с петельки. Знаете, некоторые так ключи носят.

Валентина и Ривейро переглянулись.

– То есть убийца хотел, чтобы монету увидели сразу. – Валентина шумно втянула воздух, вспомнив утренний разговор о “подписи” убийцы. – Может быть так, что этим самым шнурком его и задушили?

– Судя по длине, вполне возможно, но нужно провести анализы, хотя, боюсь, точного ответа не будет, слишком долго и тело, и шнурок провели в воде.

– А узел какой? Морской или простой? Нужно изучить состав ткани шнурка и этот пакетик.

– И проверить, нет ли кого подходящего в базе пропавших без вести, – добавил Ривейро, глядя на труп. Хоть бы костюм и рубашка оказались достаточно редкими, это помогло бы установить личность владельца.

– Дайте мне время, и я отвечу на все вопросы, – пообещал Лоренсо, убирая улики обратно в чемодан.

– Договорились. Мы пока тут осмотримся и побеседуем с человеком, нашедшим тело.

Валентина взглянула на Ривейро, тот кивнул, и они двинулись к заброшенного вида дому с нелепым названием “Тыковка”.

Путешественник из Пещеры ласточек

Размышление второе

Мысль – опасная штука. А то, что она абстрактна и бесплотна, делает ее еще более угрожающей. Любой человек может захотеть однажды пережить невероятное приключение, но лишь немногие находят в себе мужество шагнуть навстречу неизвестности. Некоторые полагают, что мыслят масштабно, а на самом деле тонут в нерешительности, путаются в собственных ногах. Как и большая часть человеческой массы, как огромный косяк рыб, плывущий по течению.

Моя принцесса отважилась жить иначе. Как и у меня, у нее это в крови, она была собирательницей времени. При одном только воспоминании о ней что-то сжимается внутри от боли и бессилия. Мне нужно забыть ее, я знаю, что сейчас она – просто тень, но, боюсь, чувство вины не позволит мне этого сделать.

Я обращаю свой взор туда, куда осмеливаются смотреть лишь немногие. Я выбираю, какой будет моя мечта, моя миссия, моя жизнь, и это дает мне силы не колеблясь принимать решения, наполняет смыслом мое пребывание на Земле. Я мечтаю по-крупному и чувствую в себе достаточно мужества и решимости воплотить мечты в реальность. Но меня гложет сомнение: неужели мой выбор оказался ошибкой? То, что произошло, и то, что происходит сейчас... Я знаю, что не смогу изменить мир, но, по крайней мере, многие оглянутся назад, и, возможно, кто-нибудь узрит сокровище. Если повезет, немногие избранные поймут, что у человека с твердыми убеждениями в руках огромная сила. Разве не этого жаждут люди – власти?

Валентина и Ривейро подошли к дому. Музыка смолкла. Из окна на первом этаже за ними наблюдал мужчина. Он смотрел так спокойно и невозмутимо, что казалось, будто смотрит он не на них, а сквозь них, точно через прозрачное стекло – взгляд его терялся где-то у кромки болота. Внезапно человек в окне исчез, однако через несколько секунд возник в дверях.

Мужчина был худ, но отчего-то угадывалось, что некогда это тело было крепким и мускулистым; тщательно причесан, начисто выбрит и опрятно одет. Ровно постриженные волосы совсем белые. Благообразный старик из викторианского романа. Одежда, хоть и поношенная, была аккуратной и отглаженной. Валентина удивилась умному живому блеску его глаз. Старик молчал, но это было молчание, исполненное достоинства. Он поприветствовал их легким кивком.

– Добрый день, я лейтенант Редондо, убойный отдел, – представилась Валентина, – а это мой коллега, сержант Ривейро.

Ривейро вежливо улыбнулся.

– Добрый день, лейтенант. Я Бенхамин Веларде, владелец дома, как вы уже наверняка поняли. – Старик откровенно разглядывал гостей. – Я уже все рассказал вашим коллегам, ничего нового сообщить не смогу.

– Если вы не возражаете, мне бы хотелось прояснить несколько моментов.

– А разве у меня есть выбор? Слушаю.

– Мы вас не задержим, сеньор Веларде. Я правильно понимаю, что вы заметили тело еще рано утром, на рассвете, но приняли его за бревно, болотную корягу и не сразу поняли, что в воде плавает человеческое тело, верно?

– Все верно, – подтвердил старик с таким утомленным видом, будто трупы под его окном – надоевшая обыденность.

– И когда течение прибило тело к берегу и вы убедились, что это не коряга, вы позвонили в полицию?

– Позвонил. Только тело не прибывало течением, оно дрейфовало само по себе. Здесь нет течения, вода стоячая.

– И вы не прикасались к телу?

– Нет.

– А вы не находили какие-нибудь предметы, которые могли бы принадлежать покойному?

– Нет.

– Абсолютно уверены?

– Нельзя быть уверенным в чем-то абсолютно, лейтенант. Вам ли этого не знать. Я что-то увидел в воде. Понял ли я, что это, или, скорее, догадался? Позвонил немедленно или сначала убедился? Вы видите труп таким же, каким увидел его я, или иначе? Оттенки меняют смысл. Тут лишь вопрос доверия. А я хочу вызвать у вас доверие, внушить вам его. Это игра, в которой нет ничего абсолютного.

Валентина смотрела на Веларде в полном изумлении от столь неожиданного монолога. Она готовилась к разговору с чокнутым стариком, доживающим свой век в окружении хлама и рухляди, а перед ней стоял философ. В каждом его слове, в осанке, в манере держаться сквозили достоинство и усталая умудренность.

– У меня нет причин сомневаться в ваших словах, сеньор Веларде. Но, может, вы видели или слышали что-нибудь необычное в последнее время?

– Ничего из ряда вон. С ходу ничего особенного не припомню. Но, конечно, память меня уже подводит.

– Понимаю, – кивнула Валентина, не зная, говорит старик серьезно или издевается. Но в любом случае сейчас из него ничего больше не вытянуть. – Сеньор Веларде, возможно, нам придется вскоре вас еще побеспокоить, после того как установим, сколько времени труп находился в воде. Но если вы что-нибудь вспомните...

– Непременно свяжусь с вами, – величественно кивнул старик.

– Спасибо, сеньор Веларде. – Валентина протянула ему визитку. – У вас в доме, похоже, немало мебели скопилось, – заметила она.

– Это все вещи Силии, моей жены. Она умерла. – В голосе старика не было враждебности. – Это все память о ней, я не готов избавиться от этих вещей. А вы, если я не ошибаюсь, работаете не в социальной службе, а в полиции, потому то, как я живу, не должно вас волновать.

– Разумеется. Пока местные жители или муниципальные службы здравоохранения не возражают.

– Тут кругом ни души, до самого пляжа Ойамбре, а это полкилометра отсюда. Социальные службы уже ко мне навевались. Я живу как считаю нужным и никому не мешаю.

Валентина поняла, что старик не впервые прибегает к этим аргументам. Будучи доктором в области криминальной психологии, она понимала, что у Веларде, скорее всего, не синдром Диогена, а патологическое накопительство. За собой он следит, чистый, даже ухоженный, а все это барахло... Возможно, он и в самом деле одержим памятью о покойной жене, но он точно не сумасшедший. А потому, пусть и с оговорками, его свидетельство можно считать надежным. В конце концов, она тоже страдает обсессивно-компульсивным расстройством, только в случае старика оно проявляется не в мании чистоты, а в склонности к собиранию вещей. Такой человек в любой безделице видит сокровище, а потому неудивительно, что дом доверху забит всяким хламом.

– Сеньор Веларде, последний вопрос...

– Слушаю вас.

– Вы что-нибудь коллекционируете?

– Коллекционирую?

– Да. Скажем, марки.

Ривейро недоуменно покосился на Валентину.

Старик пожал плечами, словно его каждый день осаждают с такими идиотскими вопросами.

– Тыквы.

– Тыквы?..

– И шляпы.

– Ясно. А старинные монеты?

– Нет. Будь у меня деньги, я бы их потратил на себя. У меня не такая большая пенсия, чтобы покупать другие деньги и класть их под стекло в рамочке, лейтенант.

– Сеньор Веларде... Ваша жена Силия... извините меня за дерзость... давно она умерла?

На лице старика впервые промелькнуло что-то похожее на удивление.

– Девять лет назад, – ответил он, пристально глядя на Валентину. Та выдержала его взгляд.

– Давно.

– Время – понятие относительное. Целая вечность может показаться мгновением.

– Да, вероятно, вы правы. Но иногда нужно поставить точку, чтобы сохранить самого себя. Ваша жена Силия... вы смогли проститься с ней?

Брови Ривейро поползли вверх. Он не понимал, к чему этот разговор, в какие дебри пытается затянуть Редондо этого старика. Но между этими двумя словно возникла какая-то связь, недоступная ему.

– Не... не знаю. Возможно.

– Сходите на кладбище, сеньор Веларде. Или туда, где вы можете проститься с женой. Попрощаться с человеком – это не значит забыть его. Он останется с вами, в вашей памяти, но сами вы сможете двигаться дальше, просто жить.

Сеньор Веларде ничего не сказал, ни один мускул не дрогнул на его лице, он невозмутимо смотрел на Валентину. Она кивнула ему, развернулась и пошла к болоту. Ривейро последовал за ней.

– И что это было, черт возьми? – спросил сержант, когда они достаточно отошли от дома.

– Ничего, просто захотелось ему помочь. Мне он показался хорошим человеком. И умным. У него нет никакой психической болезни, все его расстройство – это попытка сбежать от печали. Если он сумеет проститься с женой, то, возможно, вырвется из круга своей скорби. Но ему нужна основательная терапия, работа с профессионалом, а не досужий совет незнакомки.

Ривейро понимающе кивнул. Иногда он забывал, что Валентина – спец в психологии.

– Полагаю, сеньору нужно немало сеансов у психолога... Кстати, – после паузы нерешительно добавил он, – твоя собственная одержимость чистотой и порядком...

Валентина взглянула на него.

– Неплохая попытка, Ривейро, но моя проблема не связана с утратой. Все гораздо сложнее.

Она считала историю с братом закрытой, а себя – излечившейся, хотя временами чувство вины давало о себе знать. Как и уверенность, с которой она просыпалась порой – уверенность, что есть абсолютный ужас, что существуют по-настоящему злые люди. Ей нужен был идеальный мир, в котором темные силы не сбивают с пути невинных агнцев.

Валентина и Ривейро подошли к краю болота, где побеседовали с экспертами из горной поисково-спасательной группы: расспросили о местности, о течении реки, о том, как труп мог оказаться в болоте. Один из специалистов хорошо разбирался в лиманах и в местных реках, и, по его мнению, тело, скорее всего, сбросили либо непосредственно в болото, либо где-то поблизости, к берегу же его прибило во время прилива. Течение в лимане и в самом деле отсутствует, но морской прилив оказывает воздействие и на такие стоячие водоемы, связанные с устьем реки.

Теперь следовало опросить обитателей всех ближайших домов, а это были отели на пляже Ойамбре, в полукилометре от дома. Работа бесперспективная. Наконец совершенно вымотавшиеся – дело близилось к ночи – лейтенант и сержант попрощались с криминалистами, спасателями и местными патрульными и направились обратно в Сантандер. По дороге Ривейро обзвонил остальных членов команды, никаких важных новостей ему не сообщили, так что общий сбор Валентина назначила на следующее утро.

Единственным, с кем не удалось толком поговорить, был капрал Камарго, который, по его невнятному ответу, напал на возможный след. Валентина решила, что перезвонит ему позже. Подкинув Ривейро до отделения, где он пересел в свой автомобиль, она поехала в Суансес.

Валентина чувствовала себя абсолютно выжатой. Два трупа за день, на первое место преступления она отправилась вроде бы в восемь утра, еще и не рассвело. Оба дела предельно странные. При обеих жертвах найдены старинные монеты – типичная “подпись”, но это единственное, что их объединяет. Ей не терпелось встретиться с Оливером – они как будто не виделись целую вечность; хотелось рассказать ему о небольшой подвижке в поисках его брата, о слабой надежде вывести их в новое русло. Да и Оливер тоже сказал про какие-то новости – что он имел в виду?

Припарковавшись на территории виллы “Марина”, Валентина даже не сразу поняла, что все окна в доме Оливера ярко освещены. Обычно в это время свет горел только на крыльце и на кухне. Она направилась к дому, ощущая странное беспокойство.

Поднявшись на крыльцо, она увидела через окно, что Оливер и Майкл слушают какую-то женщину, уверенно расхаживающую по комнате. Валентина задержалась, стараясь, прежде чем войти, как следует разглядеть незнакомку. На женщине были обтягивающие джинсы и легкая светлая рубашка в мелкий цветочек. Она была по-настоящему красива. Идеальная светлая кожа, мягкие черты, миндалевидные глаза – оба, разумеется, одинакового цвета. По-девичьи стройная и гибкая фигура, маленькая грудь, в каждом движении сквозит изящество. Длинные рыжие волосы... Валентина узнала ее. Она видела эту женщину только на фото, но не сомневалась, что это она – Анна Николс, чокнутая спасательница китов, бывшая Оливера, которая бросила его и укатила в Индию после того, как излечилась от рака. И вот теперь она окучивает ее мужчину. Валентину захлестнула ревность. Она подумала, что рядом с этой красавицей выглядит бледной молью, молью с уродливыми разноцветными глазами. Она понимала, что чувство это нелепое и инфантильное, но ничего не могла с собой поделать.

Зазвонил ее телефон.

В комнате все повернулись, и Валентина почувствовала себя мрачным соглядатаем, притаившимся за окном. Оливер и Валентина пару секунд смотрели друг на друга сквозь стекло, и в его глазах она не увидела ничего, кроме теплоты. А вот ее взгляд обвинял: что эта рыжая тут забыла?

Валентина ответила на звонок:

– Камарго? Да, слушаю. Что? Ривейро пытался до тебя дозвониться... В каких конюшнях? Ясно. Но тогда... быть такого не может. Ты серьезно? Германия... Невероятно. Значит, эта женщина... да-да, конечно, спокойно... хорошо, завтра на совещании посмотрим. А кто опознал? Господи. То есть ты еще в Институте судебной медицины? Уже заканчиваешь, ну ладно. А семью оповестили? Надо завтра связаться с консульством. Да, говори, говори... ясно. Дай мне тогда номер... Да, завтра передадим Талавере. Карусо будет рвать и метать. Да, это я беру на себя. Сейчас позвоню ему. Отличная работа, Камарго. Отдыхай... Да, конечно. До завтра.

Валентина тут же набрала номер Карусо. После короткого разговора с боссом от сердца немного отлегло. Информация, которую раздобыл Камарго, меняла ход всего следствия, так что капитан несколько оттаял: подчиненные прекрасно справляются с работой. Пока она говорила с Карусо, Оливер вышел на крыльцо.

– Привет. Сегодня столько всего случилось, нужно тебе рассказать...

– Да уж я поняла, что тебе есть что рассказать. – Она дернула головой в сторону освещенного окна.

– Ну да, и это тоже, она только-только приехала, свалилась на голову буквально. Это Анна, в общем... Анна... ну ты знаешь.

– Я знаю, кто такая Анна, Оливер. Но что же она делает здесь?

– Она не предупредила, – прошептал Оливер, – я ничего не знал. Сегодня прилетела в Европу, собирается в Лондон на две недели, потом обратно в Индию. Решила навестить меня.

– Как мило, – буркнула Валентина, чувствуя, как под ласковым взглядом Оливера утихает ее ревность. – За три года ни разу тебе не позвонила, а тут вдруг раз – и вот она я? Конечно, чего тут странного. Она одна?

– Да.

– Она разве не с каким-то хиппи?

– Похоже, уже нет.

– Какая жалость, – протянула Валентина с наигранной печалью.

Оливер улыбнулся, явно польщенный вспышкой ее ревности. Его самого поразило внезапное появление Анны. Что на нее нашло? Ностальгия? Наскучила благотворительность в Индии? Увидев ее, – и часа с того момента не прошло – он поразился собственному равнодушию, у этой женщины словно и не было ничего общего с той девушкой, в которую он был влюблен несколько лет назад. Может, он сам был тогда иным человеком. А теперь он любит другую. Валентина прекрасна, в ней есть и страсть, и ум, и нежность, и благородство. Но сама она, казалось, не замечает, как действует на людей.

– Я сказал Анне, что она может занять один из свободных номеров на вилле. Понимаю, что тебе это может не очень понравиться, но это всего на пару дней.

– Не понравится? С чего бы? Твоя бывшая вдруг заявляется спустя три года молчания и при этом выглядит так, словно позирует для *Victoria's Secret*. Да я просто сгораю от нетерпения с ней познакомиться!

– Ну а что ты предлагаешь сделать? – улыбнулся Оливер. – Она не знала о нас с тобой...

– Вот бедняжка. Придется ей смириться. Ладно уж, пошли, пусть рассказывает свои сказки, но с меня на сегодня уже хватит, честно.

– Послушай, – Оливер перехватил ее, чтобы поцеловать, – Расскажи, как прошел день и что там с этой принцессой. У тебя во время видеозвонка лицо было странное.

– Вот спасибо.

– Я хотел сказать – взволнованное. – Он притянул ее к себе и снова поцеловал.

Прежде чем войти в дом, она сказала:

– Камарго звонил, интересный поворот. Теперь мы знаем, кто такая принцесса с Моты-де-Треспаласиос.

Нёрдлинген, Бавария

Пять лет назад

Хельдер Нунес несколько секунд наслаждался впечатлением, которое произвели его слова на юную Ванду Карсавину. Коллеги молча, с уважением смотрели на него, и только Марк пресек его попытку покрасоваться:

– Ты и ей собрался втирать свои теории об океаническом дне? – Марк развернулся к Ванде: – Он у нас эксперт по подводной археологии, так что держите его семеро!

Хельдер, отмахнувшись от его слов, обратился к Ванде:

– Моря и океаны не только занимают более семидесяти процентов всей земной поверхности, но и хранят планету, оберегая от воздействия человека. На дне океана, в земной коре скрыта уникальная информация об истории планеты, притом не только геологические сведения, но и данные о происхождении и исчезновении растительных и животных видов – одним словом, о самой жизни.

– Понятно, – кивнула Ванда, несколько разочарованная, поскольку ждала не популистского аргумента, а рассказа про какую-нибудь утерянную древнюю культуру, следы которой скрыты под водой.

Археолог, не заметив и этого, продолжал:

– Благодаря проекту “Палеопарк” мы собрали и проанализировали ДНК растений морских лугов в разных местах, результаты уникальные. Морские отложения хранят информацию подобно записям в дневнике, по ним можно проследить эволюцию экосистем. На такое исследование непросто получить финансирование, но из-за проблем с изменением климата у нас теперь появилась возможность работать в этом направлении.

– Звучит интересно, – прокомментировала Ванда с совершенно незаинтересованным видом.

– Невероятно интересно! – подхватил Хельдер, не замечая ее скуки. – Ведь так мы можем получить информацию о динамике климатических изменений и...

Паоло засмеялся, подмигнул Ванде и оборвал его:

– Хельдер, наша коллега сейчас заснет, под твои сказки о водорослях. Твои исследования, безусловно, интересны, но открытия чаще всего совершают те, кто спускается в пещеры. Согласен, видимая часть Земли мала, но если мы хотим понять, кто мы такие, откуда мы и куда движемся, нельзя ограничиваться лишь тем, что доступно глазу, пусть даже речь идет о морском дне. Нам нужно искать глубже.

– Красиво звучит, – парировал Хельдер, – но хочу тебе напомнить, что не так давно мы мало что знали даже о структуре суши, а морское дно до сих пор практически не изучено. И наверняка там нас ждут потрясающие находки.

– В этом я с тобой соглашусь. Самые главные открытия еще впереди, – сказал Паоло, – но, думаю, проще сделать их, если копать поверхность Земли, а не разглядывать ее.

Ванда наконец заинтересовалась. Этот итальянец не просто обладает красивой и мужественной наружностью, у него есть и идеи, и энтузиазм.

– Тогда почему вы этим не займетесь? – спросила девушка.

– Не займусь чем?

– Раскопками. Вы же сказали, что ради великих открытий нужно копать поверхность Земли.

Выдержав паузу, Паоло медленно заговорил, внимательно глядя на Ванду:

– Радиус Земли составляет почти шесть тысяч четыреста километров. Пробриться на такую глубину – задача пока нерешаемая, сеньорита Карсавина.

– Я понимаю. Но ведь до коры можно добраться? Разве нефтяные компании этим не занимаются?

– Они бурят не так уж глубоко. Сейчас самая большая глубина, на которую человек пробился к центру Земли, составляет двенадцать километров.

– Двенадцать тысяч метров? Так мало?

– Это очень много, – вмешался Артуро. – Кольская сверхглубинная скважина – это потрясающий проект, осуществленный в семидесятые годы в России, и связан он был вовсе не с нефтеразработками, а исключительно с научными целями.

Паоло кивнул:

– Изначально планировалось пробурить на пятнадцать тысяч метров, но пришлось остановиться на двенадцати.

– Почему? – Ванду увлекла тема.

– Из-за технических проблем и ошибок в расчетах. Выяснилось, что уже на глубине в двенадцать километров температура превышает сто восемьдесят градусов, тогда как ожидалось не более девяноста. Из-за пластов глины и скопления водорода бурить дальше было невозможно.

– Но ведь это было в семидесятые, неужели спустя столько лет технологии не позволяют продолжить такие исследования?

– Ну вообще-то, проект этот закрыли уже в девяностые, – ответил Паоло. – Но на самом деле главная проблема как была, так и есть – финансирование. Сегодня такими проектами никто не занимается.

– Значит, все оказалось бессмысленно?

– Вовсе нет. На глубине шесть тысяч метров нашли неизвестные ранее виды планктона, йодированную соль и бром. Кроме того, было установлено, что, несмотря на высокую температуру, вода на такой глубине не переходит в газообразное состояние.

Тут снова вмешался Хельдер:

– И это указывает на вероятность того, что при формировании Земли на глубине осталось заперто огромное количество воды, которая могла проступить на поверхность при движении тектонических плит. Это не просто мои домыслы, а теория, которую официально продвигает университет Огайо.

Ванда покачала головой.

– Я думала, ничего интереснее Металлической библиотеки от вас сегодня не услышу. Но после всех ваших морских лугов, путешествий к центру Земли и подземных океанов вынуждена признать, что вы, господа, совершенно чокнутые.

Все рассмеялись, хотя взгляд Паоло, устремленный на Ванду, оставался серьезным.

– Существуют и новые проекты по бурению Земли, сеньорита Карсавина, – сказал он. – И уверяю вас, лично я намерен принять в этом участие.

– Не сомневаюсь. – Она отпила из своего бокала, не без удовольствия чувствуя на себе пристальный взгляд Паоло.

* * *

Тем вечером пиво лилось рекой, и вскоре разговор сделался непринужденным и слегка бессвязным. Когда решили расходиться, итальянец вызвался проводить Ванду, а его друзья, смекнув, к чему все идет, попрощались.

– Вот же козел, ни одной юбки не пропустит, – проворчал Марк, когда они вошли в свой отель.

– Очень красивой юбки, – ухмыльнулся Артуро.

– Девушка она интересная, – согласился Хельдер. Его хоть и привлекали больше мужчины, он оценил и внешность, и интеллект Ванды, полька ему понравилась.

Разумеется, Ванда и Паоло провели вместе ту ночь, ставшую рубежом, за которым их жизни изменились навсегда. Они почти не расставались всю неделю, поначалу встречались у нее, но уже через пару дней стали видаться в отеле Паоло. Простились они, ничего друг другу не обещая и безо всякого драматизма.

– Я позвоню.

– Не ври, – рассмеялась Ванда, пряча грусть за смехом. – Ты забудешь меня, как только самолет сядет в Неаполе. Наверняка когда-нибудь попытаешься вспомнить: “Как же звали ту девушку?..” – Она щелкнула пальцами. – “Ну ту, мы еще познакомились в средневековом городке, господи, имя так и вертится на языке...”

Паоло обнял ее, приподнял и закружил на месте.

– Ванда, Ванда, Ванда! Видишь, помню!

– Потому что ты еще не в Неаполе, – отозвалась она.

– Мы увидимся, – уверенно сказал Паоло. – У меня запланировано несколько поездок, в том числе недалеко от тебя. Так что если захочешь и если сможешь приехать...

– Я подумаю над твоим предложением, – ответила Ванда.

Они рассмеялись, поцеловались и обнялись. Обоим было грустно от расставания, но их наполняло удивительное ощущение свободы. Для Паоло свобода была естественным состоянием, он наслаждался перемещениями по миру, исследованиями – это была его жизнь. Сейчас он тут, с ней, а через неделю будет читать лекции в неаполитанском университете или отправится снимать пещеры где-нибудь в Таиланде. Он не строил никаких конкретных планов. Отказаться от возможностей, что дает свобода? Ради любви? Но рано или поздно любовь умрет, ее задушат частые разлуки, их расписания не будут состыковываться. И вообще, они хоть влюблены друг в друга? Разве недели потрясающего секса достаточно, чтобы понять это? Нельзя отрицать, что между ними возникло что-то, и эти сумасшедшие ночи останутся в памяти обоих, но дальше каждый пойдет своей дорогой, не оглядываясь назад...

Однако два года спустя, далеко от Нёрдлингена, случится то, что изменит судьбы Ванды и Паоло и затянет их в роковую паутину. Они не могли знать, что их будущее сокрыто в сердце мексиканских джунглей.

5

Помолимся Богу Творцу, чтобы он, Благодатный и Милосердный, облегчил злоеущие события, которые предвещают нам звезды в этом 1563 году. Аминь.

Альманах на 1563 год, Нострадамус

Вторник, 8:30 утра

Клара Мухика готовилась к вскрытию тела, найденного в болотах Ойамбре. Судмедэксперт раскладывала на столике инструменты: хирургическая пила “Страйкер”, ножи, скальпель, щипцы, флаконы с химикатами.

Пила “Страйкер”, безусловно, являлась одним из незаменимых орудий, ее лезвие скользило вперед-назад, позволяя резать кость, не кромсая мягкие покровы. При вскрытии такую пилу обычно используют, чтобы извлечь содержимое черепной коробки, – процедура, которая способна напугать большинство людей, но для Клары это было частью рутины.

Клара взглянула на потолок и довольно улыбнулась. Наконец, после множества обращений, она добилась того, чтобы в зале для аутопсии установили операционную лампу, не дающую теней. В такое утро, как сегодня, это особенно важно. Клара предчувствовала, что на эти два новых дела времени у нее уйдет больше, чем обычно.

Сегодня ей так хотелось подольше поваляться в постели с мужем Лукасом, переставить будильник на час позже. Лукас тоже врач, но он терапевт в медицинском центре, и ему не приходится иметь дело с загадочными принцессами и бедолагами, выловленными из злоеущего болота.

– Что такое, соня, не хочешь встать? – спросил Лукас, обняв Клару и щурясь, словно его тоже раздражал солнечный свет.

– Нет, хочу весь день провести в постели.

– Отличная идея, скажем всем, что заболели.

– Да, позвони мне на работу – дескать, у меня жестокий приступ малярии. – Клара зарылась лицом в подушку.

Лукас рассмеялся.

– Как будто ты позволишь кому-нибудь другому заняться этим вашим новым делом.

Она перевернулась и погладила Лукаса по щеке. Рядом с ним было так спокойно.

– Вообще-то я и правда иногда подумываю об этом. Все продать и бежать в какой-нибудь тропический рай, ничего не делать, наслаждаться жизнью без всех этих трагедий.

Лукас улыбнулся жене, погладил ее по волосам:

– Через неделю порем от скуки.

– Порем, – согласилась Клара.

И все же это было не совсем шуткой, такая возможность втайне ее манила. Кроме собственных сбережений, ей досталось наследство от матери, да такое, что она даже не представляла, что с ним делать.

На работе Клара сохраняла самообладание и не поддавалась эмоциям, но после случившегося полгода назад уже не могла относиться к происходящему вокруг с прежней иронией. Лукас помог Кларе пережить смерть матери, и, осознав, кем ее мать на самом деле была, Клара утвердилась в понимании самой себя.

Мать Клары покончила с собой. Клара не сочувствовала самоубийцам, считая их эгоистичными слабаками, не способными ценить жизнь. Однако она смогла понять мать, принять ее решение, и затяжная обида на мать сменилась восхищением. После этого Клара, привыкшая ежедневно иметь дело со смертью, начала ощущать, что с каждым разом ей все сложнее отно-

ситься к жертвам просто как к материалу, без эмоций. Эта бедная польская женщина, такая молодая и красивая, у которой вся жизнь была впереди... Какова ее история? Может, у нее, как и у матери, были свои секреты, ставшие причиной столь страшного исхода...

В последнее время Кларе казалось, что над ее жизнью нависла тень неизбежности, и причиной тому события, связанные с виллой “Марина”. Но, по крайней мере, та история еще больше сблизила ее с Валентиной, а также подарила нового родственника – Оливера. Теперь они иногда по пятницам вчетвером поедали рабас в порту Суансеса. Клару радовало, что Оливер с Лукасом подружились.¹⁹

– Ну как неделя, Лукас? Клара опять работала и дома?

– Да сам знаешь, одно и то же. Препарирует все подряд, пока я пялюсь в телик.

– Держись, приятель. А меня таскают на спектакли, где играет подчиненный Валентины, я боюсь даже пискнуть, а то вдруг она прихватила на спектакль оружие.

– Пора бы нам оформить хорошую страховку. Интересно, есть такие для отношений повышенного риска? – серьезно вопрошал Лукас, Оливер делал озабоченное лицо, а Клара с Валентиной со смехом закатывали глаза.

Гулкий звук чьих-то шагов выдернул Клару из мыслей. В зал вошла ее помощница Альмудена Кардона, ее сопровождал агент гражданской гвардии, который обычно отвечал за сохранность тела, так что он был обязан присутствовать при вскрытии. Как правило, он усаживался где-нибудь в углу и молча ждал.

– Добрый день, Клара! Что там с давешней принцессой? – спросила Кардона, даже не пытаясь скрыть любопытства.

– Привет, дорогая. Мы с Педро управились меньше чем за три часа, – ответила Клара. (Педро Мигес был еще одним ее помощником в Институте судебной медицины.) – Хотя боюсь, что пока не получим отчеты из Мадрида, определенности не будет. Я попросила рассмотреть дело срочно, даже наврала, что есть обвиняемый.

– Какой еще обвиняемый? И почему вдруг такая срочность?

– Личное распоряжение судьи Талаверы. Дела принцессы и болотного человека могут быть связаны. Не исключено, что тут прослеживается серия.

– Ты серьезно? Типа как в голливудских фильмах?

– Нет, типа “а ну-ка быстро за дело”.

– Стало быть, как обычно.

– Именно, – улыбнулась Мухика.

– А вы что-нибудь уже выяснили о принцессе?

– Судя по содержимому желудка, незадолго до смерти она поела. И поела неплохо: рыба и омары или что-то такое.

– Ого, настоящая сибаритка.

– Правда, никаких прямых указаний на отравление я не нашла. Никакого яда, ни растительного, ни животного происхождения, ни искусственного. Но умерла она от отравления.

– Странно слышать от тебя столь категоричное утверждение до получения отчета из лаборатории. Почему ты так уверена?

– Дело в том, что все признаки указывают, что организм был поражен каким-то веществом. Непосредственной причиной смерти стала остановка сердца, но почки бледные, в миокарде кровоизлияние, печень также изменена – все указывает на действие какого-то вещества.

– Отметины, следы от укола?

– Ничего, – покачала головой Клара. – И я не понимаю, как ей умудрились дать такую мощную дозу яда, чтобы при этом не осталось ни следов в желудке, ни отметин на коже. Сло-

¹⁹ Популярная в Кантабрии закуска – кольца кальмаров.

вом, жду анализов крови и проб с тела. Впервые с таким встречаюсь – тело внешне в идеальном состоянии, восковая кукла, да еще этот запах ванили...

– Ванили? – переспросила Альмудена.

– Да. Будто все тело обмазали ванильным кремом, только запах с каким-то оттенком... –

Мухика замолчала, подбирая слова. – Не знаю, что-то неуловимое...

– Ты меня заинтриговала.

– Сама всю ночь голову ломала. Кстати, а что там с трупом из болота?

– На первый взгляд ничего особенного. Похоже на удушение. Судья из Комильяса приехал поздно, так что мы проторчали там до девяти вечера, темнота была хоть глаз выколи. Я собственных рук разглядеть не могла.

– Не драматизируй, – засмеялась Клара. – Давай-ка достанем твоего болотного человека из холодильника и посмотрим, что он нам поведает.

– Мог бы он говорить, сказал бы пару ласковых судье. Какого черта он приезжает на ночь глядя? Представляешь, еще и брюзжал, что его оторвали от партии в карты. Я его чуть в том болоте не утопила!

– Ладно тебе, не ворчи. Можно подумать, ты большая любительница выездов.

– Мы его столько ждали, что подтянулись зеваки, хорошо, что ничего толком не было видно, иначе фото были бы уже в интернете.

– Ох, в наши дни смартфоны – главные враги тайны следствия, – согласилась Клара.

– Но и без фоток весь Комильяс и половина Сантандера уже наверняка в курсе.

– Это точно, – вздохнула Мухика, направляясь к большому холодильнику.

Новое вскрытие вроде бы не сулило ничего таинственного, но, провозившись два часа, эксперты так и не смогли понять то, что поведало им тело неизвестного, обнаруженное в болоте.

Путешественник из Пещеры ласточек

Размышление третье

Во всем виноват его эгоизм. Поэтому он и оказался в болоте – туда и дорога всем порочным людям, воображающим себя сильными и могущественными и не осознающим своего ничтожества. Таких людей узнать легко, их глупые самодовольные жесты и высокомерный взгляд сразу их выдают. Возможно, для Земли было бы лучше, утони в болоте не только он один, но и несколько подобных ему особей. Они как паразиты, как социальная аномалия, к которой все привыкли. Никогда не пойму их полного равнодушия, отсутствия жажды жизни и стремления познавать новое.

Его наконец отыскали. Неожиданно им понадобилось довольно много времени, а болото не сразу изрыгнуло свою жертву, несколько дней удерживало ее в своей утробе. Все пошло не совсем по плану, но мне – то есть нам – нужно, чтобы от смерти был хоть какой-то толк. Пусть все знают правду: только наши пути ведут к спасению мира, потому что только мы относимся к нему с должным уважением.

И все же чем дальше, тем чаще меня охватывает предчувствие, что ничего не получится; мысли о том, что все было зря, тянут вниз. Что ж, если все выяснится, возможно, найдется кто-нибудь, кто поймет, что жертв было не избежать. Они требовались, чтобы мир спасся от самого себя, спасся от таких людей, как человек на болоте, не желавший видеть ничего, кроме собственных интересов. Может, надежда еще жива.

Вторник обещал быть загруженным. Уже в половине девятого утра Клара Мухика с Альмуденой Кардоной были в зале аутопсии, а без четверти девять Валентина Редондо в своем кабинете в управлении Сантандера обдумывала события предыдущего дня.

Иногда неделями не бывает никаких новостей и время течет неспешно, а потом вдруг происходит столько всего сразу. Валентина еще не разобралась, нравится ли ей Анна или нет. Англичанка неоднократно извинилась за внезапное вторжение, она не хотела никого потревожить. Решение сделать остановку в Испании Анна приняла в последний момент, ей показалось, что это будет возвращением кармического долга, который у нее оставался перед Оливером, – в Индии она стала буддисткой.

– Хотя мы на Западе не всегда это понимаем, Валентина, но любой плохой поступок ведет к накоплению дурной кармы.

– Дурной кармы?

– Да, плохой энергии. Это нечто неосознаемое, невидимое, но оно существует. Все очень просто и логично – кармический закон означает, что все, хорошее и плохое, тебе же и возвращается, в этой или иной реинкарнации. Это сансара – круговорот, колесо жизни!

– Колесо жизни, – повторила Валентина и посмотрела поочередно на Майкла и Оливера, надеясь на их поддержку в этом разговоре со столь одухотворенной особой.

– Именно! Колесо жизни, – повторила Анна с сильным английским акцентом. Она, как и Оливер, много лет изучала испанский, но из-за отсутствия практики англосаксонский выговор у нее был более чем отчетлив. – Нужно расти в дхарме, чтобы поддерживать в себе мир и гармонию, помогать окружающим и стремиться в течение жизни очиститься от негативной внутренней энергии своих дурных поступков.

– Ясно. То есть нужно заработать положительные баллы, чтобы перекрыть все то дерьмо, которое успел натворить. И это дает гарантию не отправиться прямиком в ад, правильно?

Воцарилось неловкое молчание. Анна отреагировала спокойно, даже на первый взгляд радостно, словно ей доставляло удовольствие объяснять свою новую духовность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.